
ЕВГЕНИЙ ПЛОТНИКОВ
ПОСЛЕДНИЕ ЛЮДИ НА ЗЕМЛЕ
ИСТОРИИ О ТЕХ, КТО ОСТАЛСЯ

Евгений Плотников

Последние люди на земле

«Автор»
2026

Плотников Е. Р.

Последние люди на земле / Е. Р. Плотников — «Автор», 2026

«Последние люди на Земле» — Евгений ПлотниковЧто останется от человечества, когда исчезнет привычный мир? Не города, не государства и даже не великие достижения. Останутся истории. О людях, которые любили, ошибались, надеялись, боялись и продолжали жить, даже когда, казалось бы, жить уже незачем.«Последние люди на Земле» — необычная авторская антология, в которой постапокалипсис соседствует с философской фантастикой, мистика — с человеческой драмой, а неожиданные открытия — с простыми жизненными историями.Здесь есть место одиночеству и юмору, страху и надежде, горьким воспоминаниям и удивительным открытиям. Каждый рассказ — отдельный мир, но все они объединены одним вопросом: что значит быть человеком?Это книга не столько о конце света, сколько о том, ради чего стоило жить до него. И, возможно, о том, ради чего стоит жить сейчас.

© Плотников Е. Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Последний почтальон 6
Нас осталось трое 15
Последний учитель 33
Человек, который не хотел уезжать 46
Последняя смена 60
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Евгений Плотников
Последние люди на земле

ЕВГЕНИЙ ПЛОТНИКОВ.
Антология рассказов

Об этой книге

Что останется от человечества, когда исчезнет привычный мир? Не города, не государства и даже не великие достижения. Останутся истории. О людях, которые любили, ошибались, надеялись, боялись и продолжали жить, даже когда, казалось бы, жить уже незачем.

«Последние люди на Земле» — необычная авторская антология, в которой постапокалипсис соседствует с философской фантастикой, мистика — с человеческой драмой, а неожиданные открытия — с простыми жизненными историями.

Здесь есть место одиночеству и юмору, страху и надежде, горьким воспоминаниям и удивительным открытиям. Каждый рассказ — отдельный мир, но все они объединены одним вопросом: что значит быть человеком?

Это книга не столько о конце света, сколько о том, ради чего стоило жить до него. И, возможно, о том, ради чего стоит жить сейчас.

Содержание

1. Последний почтальон 5
2. Нас осталось трое 21
3. Последний учитель 49
4. Человек, который не хотел уезжать 71
5. Последняя смена 95
6. Город без названия 117
7. Музей человеческих ошибок 135
8. Последний магазин 161
9. Когда закончились профессии 179
10. Земля без границ 207
11. Человек из 1986 года 235
12. Память деревьев 247
13. Последний голос 259
14. Человек, который помнил всех 279
15. Археологи будущего 297
16. Последний пассажир 313
17. Садовник 345
18. Наследники 361
19. Обновление 383
20. Земля. Экземпляр № 1 401
21. Письмо дочери 419
22. Последняя свадьба 437
23. Человек, который вернулся 455
24. Один день человечества 481
25. Последние люди на Земле 499

Последний почтальон

В тот день почтальон Петров впервые за сорок три года работы не нашёл ни одного человека, которому можно было бы вручить письмо.

Впрочем, он не особенно расстроился. День выдался холодный, ноги с утра ныли, а в термосе оставалось ещё немного чая. Для полного счастья не хватало только того, чтобы перестал скрипеть велосипед. Но велосипед скрипел уже лет двадцать, и Петров давно перестал обращать на это внимание.

Он поставил его у крыльца третьего дома на улице Садовой, снял с плеча потёртую сумку и достал газету.

— Так, — сказал он, сверяясь с адресом. — Кузнецовы. Опять вам что-то пишут.

За дверью, разумеется, никто не ответил.

Петров постоял немного, будто давал хозяевам возможность собраться с мыслями, затем опустил газету в почтовый ящик.

— Не забывайте проверять корреспонденцию, — произнёс он по привычке.

Он давно разговаривал с домами. Сначала это было смешно. Потом стало привычно. А теперь, пожалуй, было единственным способом не забыть, как звучит человеческая речь.

Город назывался Новосельском. Когда-то в нём жили почти сорок тысяч человек. Работали два завода, три школы, районная больница, кинотеатр и небольшой хлебозавод, который снабжал ещё несколько окрестных деревень.

Теперь хлебозавод стоял с выбитыми окнами, больница заросла кустарником, а на площади перед бывшим универмагом уже третий год росли молодые берёзы.

Люди исчезали постепенно.

Сначала уехали те, у кого были родственники в других городах. Потом те, кто верил, что где-нибудь ещё можно начать заново. Позже стали уходить семьями. Некоторые просто перестали выходить из домов.

Петров не знал, что именно произошло с миром. Радио перестало работать давно, телевизор показывал серый снег, а последние сообщения по телефону приходили ещё два года назад.

Говорили о болезни. Потом о войне. Потом о каком-то страшном событии, которое якобы произошло одновременно во многих странах.

Он не любил слухи.

В его возрасте следовало верить только тому, что можно проверить лично. Например, что зимой холодно, весной мокро, а почтовая сумка со временем становится тяжелее, даже если писем в ней почти не остаётся.

Петрову было семьдесят два.

Звали его Михаилом Андреевичем, но почти никто уже не помнил его имени. Для жителей Новосельска он был просто почтальоном.

И его это вполне устраивало.

В доме напротив жила старуха Мария Ивановна.

Она была последним человеком, с которым Петров разговаривал почти каждый день.

Каждое утро он приносил ей газету, хотя газеты давно перестали печатать. Последний номер вышел три года назад, и с тех пор он самостоятельно переписывал старые новости на чистые листы бумаги.

Мария Ивановна утверждала, что так ей спокойнее.

— Человек должен знать, что происходит в мире, — говорила она.

— В мире ничего хорошего не происходит, — отвечал Петров.

— Значит, тем более надо знать.

Сегодня он постучал в окно.

Никто не вышел.

Он постучал ещё раз.

— Мария Ивановна! Это я!

Тишина.

Петров обошёл дом, заглянул в окно кухни. На столе стояла чашка, рядом лежали очки. В печи ещё оставалось немного золы.

Он постучал в стекло.

— Вы там живы?

Ему никто не ответил.

Тогда он достал ключ, который старуха оставляла под цветочным горшком, и открыл дверь.

— Мария Ивановна?

В доме пахло холодной едой и лекарствами.

Он прошёл в комнату.

Старуха лежала на кровати, аккуратно укрытая одеялом. На тумбочке стоял стакан воды, рядом — раскрытая книга.

Петров остановился.

Он не сразу понял, что произошло. Потом снял шапку.

— Ну вот, — тихо сказал он. — А я ведь газету принёс.

Он подошёл ближе, поправил одеяло и постоял ещё немного.

Мария Ивановна умерла спокойно. По крайней мере, ему хотелось в это верить.

На столе лежал конверт.

На нём было написано:

«Михаилу Андреевичу Петрову».

Почерк старухи он узнал сразу.

Он долго смотрел на конверт, прежде чем взять его в руки.

Впервые за несколько лет кто-то написал письмо ему.

Петров вернулся домой уже после обеда.

Снял пальто, повесил сумку на крючок и поставил чайник.

Дом у него был небольшой. Две комнаты, кухня, старый шкаф, телевизор и фотографии на стене.

На одной фотографии стояла молодая женщина с короткими волосами. Она улыбалась, щурясь от солнца.

Её звали Анна.

Петров сел за стол, положил перед собой конверт и долго не решался его открыть.

Анна умерла двенадцать лет назад.

Он сам похоронил её на городском кладбище, сам закрыл могилу землёй, сам принёс домой её пальто, которое потом ещё несколько лет висело в прихожей.

А через два года после её смерти ему начали приходить письма.

Сначала он думал, что это ошибка. Потом решил, что кто-то шутит. Но однажды в почтовом ящике обнаружил конверт с собственным адресом и знакомым почерком.

На нём было написано:

«Мише. От Ани».

Внутри лежал лист бумаги.

Всего одна строчка:

«Не забывай выключать свет на кухне. Ты всегда оставляешь его включённым».

Петров тогда долго сидел на ступеньках крыльца.

Он никому не рассказывал об этом письме.

Потому что иногда человеку необходимо оставить себе хотя бы одну маленькую странность, которую невозможно объяснить.

Потом письма приходили ещё.

Раз в несколько месяцев. Иногда раз в год.

В них не было ничего необычного.

Анна рассказывала, что скучает. Спрашивала, не болят ли у него колени. Напоминала, что надо купить сахар. Однажды даже написала, чтобы он перестал ходить в старом пальто, потому что выглядит в нём как участковый милиционер.

Петров не знал, кто их отправлял.

Но почерк был её.

И он отвечал.

Писал письма, складывал в конверты и относил на почту. Там, конечно, давно никто не работал, но он опускал их в старый почтовый ящик у входа.

Каждый раз ему становилось легче.

Теперь на столе лежало новое письмо.

И впервые за много лет он боялся его открыть.

Чайник закипел.

Петров налил себе чаю, положил рядом кусочек вчерашнего хлеба и только потом разорвал конверт.

Внутри оказался один лист.

Он развернул его.

«Миша.

Я не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как ты получил моё последнее письмо.

Наверное, много.

Ты всегда говорил, что человек должен заниматься своим делом. Даже если никто не смотрит. Даже если никто не благодарит.

Я часто вспоминаю, как ты уходил на работу ранним утром. Зимой надевал две пары носков, потому что у тебя всегда мёрзли ноги. А весной возвращался с цветами, которые срывал где-то по дороге.

Ты никогда не умел дарить подарки. Но цветы почему-то приносил всегда.

Мне хочется попросить тебя об одной вещи.

Не переставай выходить из дома.

Не сиди целыми днями в этой квартире. Не жди, что кто-то придёт. Не думай, что всё закончилось.

Пока ты ходишь по улицам, пока здороваешься с людьми, пока открываешь почтовые ящики, в мире ещё что-то происходит.

И ещё.

Я знаю, что ты до сих пор не выбросил моё пальто.

Миша, оно тебе не нужно.

Пора его отдать кому-нибудь, кому холодно.

Я тебя люблю.

Аня».

Петров перечитал письмо.

Потом ещё раз.

Он долго сидел неподвижно, держа лист обеими руками.

За окном начинало темнеть.

Он подошёл к шкафу и открыл дверцу.

На вешалке действительно висело пальто Анны. Тёмно-синее, с небольшими пуговицами и потёртыми рукавами.

Он снял его, подержал перед собой, а затем аккуратно сложил.

— Ладно, — сказал он. — Отдам.

И впервые за много лет заплакал.

На следующее утро Петров проснулся рано.

Он побрился, надел чистую рубашку, проверил велосипед и сложил в сумку несколько конвертов.

В городе оставалось ещё много домов.

Некоторые были пустыми. В некоторых жили люди, которых он давно не видел. Кому-то он продолжал носить письма, хотя прекрасно понимал, что адресаты уже никогда их не прочитают.

Он не собирался бросать работу.

После смерти Марии Ивановны он чувствовал себя странно. Будто в городе стало на одного человека меньше не только физически, но и как-то по-другому.

Он доехал до центральной улицы, поставил велосипед возле бывшей аптеки и достал из сумки несколько писем.

На одном значилось:

«Сергею Николаевичу Крылову. Улица Ленина, дом 18».

На другом:

«Елене Викторовне Смирновой. Улица Молодёжная, дом 4».

На третьем:

«Петрову Михаилу Андреевичу. Улица Садовая, дом 12».

Он остановился.

Это был его собственный адрес.

Почерк на конверте был незнакомый.

Петров несколько секунд рассматривал письмо, потом перевернул его.

На обратной стороне стояла дата.

Завтрашняя.

Он нахмурился.

— Ну и шутники пошли, — пробормотал он.

Письмо было без марки.

Внутри лежала небольшая фотография.

На ней был изображён мужчина лет тридцати пяти. Он стоял возле почтового отделения, держал в руках сумку и улыбался в объектив.

Петров узнал себя.

Это была фотография, сделанная в 1989 году, когда его только приняли на работу.

Он перевернул снимок.

На обороте было написано:

«Михаил Андреевич, если вы получили это письмо, значит, всё получилось.

Не выбрасывайте сумку.

И не уходите с маршрута.

Завтра в 11:40 к вам придёт человек.

Пожалуйста, дождитесь его.

Он должен получить последнее письмо».

Петров посмотрел на часы.

Было без четверти одиннадцать.

Он перечитал записку.

Потом осмотрел конверт. Ни обратного адреса, ни подписи.

— Совсем с ума сошли, — сказал он.

Но фотографию убрал во внутренний карман.

В 11:40 он сидел на скамейке возле почтового отделения.

Рядом стоял велосипед.

Сумка лежала на коленях.

Петров чувствовал себя глупо. Он понимал, что всё это может быть чьей-то шуткой. Но в его возрасте уже не хотелось отказываться от маленьких возможностей, даже если они казались совершенно нелепыми.

На улице было тихо.

Слишком тихо.

Где-то далеко лаяла собака.

Потом послышались шаги.

Петров поднял голову.

По улице шёл мальчик.

Лет десяти, не больше. В грязной куртке, с рюкзаком за спиной. Он двигался медленно, словно давно не ходил по нормальным дорогам.

Петров встал.

— Эй, парень!

Мальчик остановился.

— Ты откуда?

— Из-за реки.

— Там кто-нибудь есть?

Мальчик пожал плечами.

— Был дедушка. Теперь нет.

Петров не стал спрашивать подробностей.

Он уже понял.

— А куда идёшь?

— Не знаю.

Мальчик посмотрел на почтовую сумку.

— Вы почтальон?

Петров улыбнулся.

— Был когда-то.

— А письма ещё носите?

Старик задумался.

— Пока могу.

Мальчик подошёл ближе.

— А вы можете мне помочь?

— Чем?

— У меня письмо.

Он достал из рюкзака помятый конверт.

На нём было написано:

«Тому, кто ещё работает на почте».

Петров осторожно взял его.

— А кому отправлять?

— Не знаю.

— От кого?

— От мамы.

Петров посмотрел на мальчика.

— А где она?

Тот опустил глаза.

— Умерла.

Старик медленно кивнул.
— Понимаю.
Он не стал задавать больше вопросов.
— А ты сам читать умеешь?
— Умею.
— Тогда почему не открыл?
Мальчик пожал плечами.
— Там написано, что нельзя открывать до тех пор, пока не найду почтальона.
Петров почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось.
Он посмотрел на конверт.
Почерк был неровным, местами буквы расплылись от воды.
— Хорошо, — сказал он. — Куда отправлять?
Мальчик достал из кармана ещё один листок.
На нём был адрес.
Петров прочитал его дважды.
Это был адрес его дома.
— Ты уверен?
— Да.
— А кто там живёт?
Мальчик посмотрел на него.
— Не знаю. Мама сказала, что там живёт человек, который умеет доставлять письма.
Петров медленно поднял глаза.
— Как тебя зовут?
— Андрей.
Старик почувствовал, как по спине пробежал холод.
— А маму?
Мальчик ответил не сразу.
— Анна.
Петров сел на скамейку.
Несколько секунд он просто смотрел на ребёнка.
— Как фамилия?
— Петрова.
Старик закрыл глаза.
В доме он долго не мог найти ключи.
Руки дрожали.
Мальчик стоял в прихожей, рассматривал старые фотографии на стене.
— Это ваша жена? — спросил он.
Петров посмотрел на снимок.
— Да.
— Красивая.
— Очень.
— Она умерла?
— Давно.
Мальчик кивнул, будто это было совершенно обычным обстоятельством.
Петров провёл его на кухню, усадил за стол и поставил чайник.
Потом положил перед собой конверт.
— Ты знаешь, что там написано?
— Нет.
— А мама что-нибудь говорила?

— Говорила, что если я найду вас, нужно обязательно передать письмо.

Петров открыл конверт.

Внутри лежало несколько листов.

Первый был написан знакомым почерком.

Он начал читать.

«Миша.

Если ты читаешь это письмо, значит, Андрей добрался до тебя.

Прости, что не смогла рассказать всё раньше.

Я долго пыталась найти тебя. Но, кажется, мир стал слишком большим, а людей в нём слишком мало.

Я не знаю, что ты помнишь обо мне.

Возможно, ты до сих пор считаешь, что я умерла двенадцать лет назад.

Так и было.

Но не всё, что умирает, исчезает сразу.

После того дня, когда меня похоронили, произошло кое-что странное.

Я не буду пытаться объяснять тебе то, чего сама не понимаю.

Скажу только одно.

Я продолжала видеть тебя.

Видела, как ты ходишь на работу. Как разговариваешь с пустыми домами. Как приносишь цветы на кладбище. Как оставляешь свет на кухне.

Я видела, как ты стареешь.

А потом перестала.

Не знаю, почему письма начали приходить именно сейчас.

Но я знаю, что ты не должен остаться один.

Андрей — мой сын.

Я не успела рассказать тебе о нём.

Он родился уже после моей смерти.

Не спрашивай, как это возможно. Я сама не знаю.

Он хороший мальчик. Только очень одинокий.

Пожалуйста, позаботься о нём.

И ещё, Миша.

Ты всегда говорил, что письма должны доходить до адресата.

Кажется, это последнее письмо, которое тебе предстоит доставить.

Я люблю тебя.

Аня».

Петров опустил лист.

Он посмотрел на мальчика.

Тот сидел напротив и спокойно пил чай.

— Ты давно один?

— Три дня.

— А где ночевал?

— В школе. Там тепло.

Старик медленно кивнул.

Он хотел спросить ещё тысячу вещей, но не знал, с чего начать.

Вместо этого достал из шкафа банку варенья.

— С малиновым любишь?

Мальчик улыбнулся.

— Люблю.

— Ну вот. Значит, с этим мы разберёмся.

Вечером Петров впервые за много лет не пошёл на кладбище.

Он сидел на кухне, а напротив него спал мальчик.

На столе лежали письма.

Все те, которые он когда-либо получал от Анны.

Он разложил их по порядку, перечитал некоторые и заметил странную вещь.

В каждом письме было написано о чём-то, что происходило с ним в будущем.

Анна предупреждала его о болезнях, советовала купить дрова, просила не выходить на улицу в определённые дни.

Но главное было не это.

Последнее письмо, которое он только что прочитал, было датировано завтрашним числом.

Он посмотрел на часы.

До полуночи оставалось десять минут.

Петров подошёл к окну.

На улице горел фонарь.

Он давно не работал, но сегодня почему-то светился.

Старик посмотрел на него, потом на спящего мальчика.

Впервые за много лет в его доме кто-то дышал.

Он вернулся к столу, достал чистый лист бумаги и начал писать.

«Дорогая Аня.

Сегодня я получил твоё письмо.

Андрей у меня. Он спит в твоей комнате. Я постелил ему чистое бельё, хотя, наверное, надо было сначала купить новое.

Завтра мы пойдём в магазин. Если он ещё цел, попробуем найти там что-нибудь съедобное.

Я не знаю, как всё это объяснить.

Но я больше не один.

Ты просила меня не выбрасывать пальто. Я отдал его мальчику. Ему оказалось как раз.

Я всё ещё хожу по маршруту.

И, кажется, теперь у меня снова есть кому носить письма.

Твой Миша».

Он сложил лист, вложил в конверт и написал адрес.

«Анне Петровой».

Потом долго смотрел на конверт.

За окном начинался снег.

Петров выключил свет на кухне.

И впервые за много лет лёг спать с мыслью, что завтра ему действительно есть куда идти.

Утром он проснулся от стука в дверь.

На пороге стоял Андрей.

— Дедушка, — сказал мальчик. — Там кто-то пришёл.

Петров накинул пальто и вышел.

У калитки стоял молодой мужчина в синей куртке.

В руках он держал почтовую сумку.

Старую, потёртую, с кожаными ремнями.

Такую же, какую Петров носил всю жизнь.

— Михаил Андреевич? — спросил незнакомец.

— Да.

— Вам письмо.

Петров взял конверт.

На нём стоял его адрес.

Почерк был незнакомый.

Он открыл письмо.

Внутри лежала короткая записка.

«Уважаемый Михаил Андреевич!

Ваш маршрут официально передан новому сотруднику.

Спасибо за сорок три года службы.

Теперь можете отдыхать.

С уважением,

Почтовое управление».

Петров перечитал записку.

Потом поднял глаза.

Молодого человека уже не было.

На улице лежал свежий снег. Следы от его ботинок уходили к перекрёстку и там обрывались.

Старик посмотрел на письмо, затем на мальчика.

— Дедушка, а кто это был?

Петров сложил записку и убрал в карман.

— Наверное, коллега.

— А где он?

— Ушёл.

— А зачем приходил?

Старик посмотрел на свою старую сумку, стоявшую возле двери.

Потом улыбнулся.

— Наверное, хотел сказать, что я могу больше не работать.

— И что, не будешь?

Петров подумал.

За последние годы он привык к мысли, что его работа никому не нужна. Что он просто ходит по пустым улицам, разговаривает с домами и перекладывает бумагу из одного места в другое.

Но теперь всё изменилось.

Он посмотрел на мальчика.

— Нет, Андрюша. Буду.

— Почему?

Петров надел шапку, взял сумку и открыл калитку.

— Потому что у нас теперь два адресата.

Он достал из кармана конверт, на котором было написано имя Анны.

— И один очень важный адрес.

Мальчик взял его за руку.

Они пошли по улице.

Снег медленно заметал следы, а где-то далеко, за рекой, над пустым городом поднималось солнце.

Почтальон Петров впервые за много лет шёл не один.

И ему казалось, что впереди ещё очень много работы.

Нас осталось трое

На полярной станции «Север-17» было три человека.

Они знали это точно, потому что каждое утро пересчитывали друг друга.

Сначала завтракали. Потом проверяли генератор, связь, метеоданные и запасы топлива. После этого кто-нибудь обязательно говорил:

— Ну что, нас всё ещё трое?

И остальные отвечали:

— Пока да.

Это была старая шутка. Ещё полгода назад на станции работало одиннадцать человек, и никто не считал нужным шутить о собственном количестве. Потом пришёл приказ об эвакуации. Последний вертолёт забрал восьмерых, а трое остались на зимовку — инженер Виктор Сергеевич Климов, врач Анна Белова и радист Михаил Грачёв.

Они должны были продержаться до весны.

Весна, правда, так и не наступила.

Виктор проснулся от того, что кто-то стучал в дверь.

Он посмотрел на часы.

06:42.

Стук повторился.

— Да иду я, — пробормотал он.

В коридоре никого не было. Только лампа над аварийным выходом мигала, как больной глаз. Виктор накинул куртку и подошёл к двери радиорубки.

— Миш?

— Заходи, — отозвался Грачёв.

Радист сидел перед монитором в одних носках. На столе стояла кружка с остывшим кофе, рядом лежал раскрытый блокнот. Михаил не отрывал взгляда от экрана.

— Что случилось?

— Посмотри.

На экране было сообщение. Короткое, без приветствия, без подписи.

Всем оставшимся станциям. Ответьте, если слышите. Земля больше не отвечает. Повторяю: Земля больше не отвечает.

Виктор перечитал.

— Это что?

— Сам не знаю. Пришло на аварийной частоте.

— Когда?

— В 04:18.

— А раньше?

— Ничего. С тех пор тишина.

Виктор потёр лицо ладонями.

— Может, опять спутниковая сеть легла?

— Я проверил.

— Может, передатчик повреждён?

— Проверил и это.

— Тогда кто отправил?

Михаил наконец повернулся.

— Вот это я и хотел бы узнать.

Виктор наклонился к экрану.

— Напиши, что мы приняли сообщение. Запроси уточнение.

— Уже.

— И?

— Тишина.

Виктор посмотрел на часы. На станции было тихо. За стеной гудела вентиляция, где-то внизу щёлкало реле.

— Анне пока не говори.

— Почему?

— Потому что она врач. Ей и без того хватает забот.

Михаил усмехнулся.

— А ты, значит, у нас специалист по хорошим новостям?

— Я специалист по тому, чтобы не паниковать раньше времени.

— Ну тогда у тебя сегодня будет много работы.

Анна узнала через двадцать минут.

Она стояла в столовой и пыталась заставить кофемашину выдать хоть что-нибудь похожее на кофе, когда Виктор вошёл и положил перед ней распечатку.

— Что это?

— Сообщение.

Анна прочитала. Потом ещё раз.

— Что значит «Земля больше не отвечает»?

— Пока ничего не значит.

— Виктор.

— Мы не знаем, что произошло.

Она поставила кружку на стол.

— А Михаил знает?

— Михаил пытается выяснить.

— А ты?

— Я пытаюсь не делать выводов из одной строчки.

Анна посмотрела на него внимательно.

— Ты уже сделал.

Виктор промолчал.

Она сняла очки, протёрла их краем халата и снова надела.

— Хорошо. Что мы делаем?

— Ждём ответа.

— А если его не будет?

— Тогда будем думать дальше.

Анна кивнула, но к кофе больше не притронулась.

К полудню Михаил поймал ещё один сигнал.

На этот раз голос.

Сначала шёл шум, похожий на ветер в металлической трубе. Потом послышалось дыхание. Кто-то долго молчал, а затем произнёс:

— Станция «Север-17», ответьте. Если вы слышите, ответьте.

Михаил вскочил.

— Это нам!

Виктор и Анна прибежали в радиорубку почти одновременно.

— Кто говорит? — спросил Виктор.

Михаил включил передачу.

— Здесь станция «Север-17». Слышим вас. Назовите себя.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом голос повторил:

— Станция «Север-17», ответьте.

— Мы уже ответили! — крикнул Михаил.

— Назовите количество людей на станции.

Виктор переглянулся с Анной.

— Трое, — сказал Михаил. — Нас трое.

На другом конце связи кто-то шумно выдохнул.

— Повторите.

— Трое. Виктор Климов, Анна Белова, Михаил Грачёв.

Пауза.

— Вы уверены, что вас трое?

Михаил нахмурился.

— Да. А что?

Ответа не последовало.

Виктор наклонился к микрофону:

— Кто вы? Откуда передаёте?

Голос произнёс:

— Не выходите наружу.

И связь оборвалась.

Вечером они собрались в столовой.

На столе лежали распечатки сообщений, карта спутниковой связи и три кружки с чаем. Анна принесла аптечку, хотя никто не просил. Михаил ходил от стены к стене, Виктор сидел неподвижно.

— Я думаю, это какая-то авария, — сказал Михаил. — Масштабная. Может быть, спутники потеряли управление. Может, наземные станции отключились.

— Почему тогда голос спросил, сколько нас? — спросила Анна.

— Может, проверяли численность экипажа.

— И почему сказали не выходить наружу?

— Потому что на улице минус сорок семь.

— Михаил, мы здесь полгода живём. Мы знаем, что на улице минус сорок семь.

Он остановился.

— Ну а что ты предлагаешь? Сидеть и ждать, пока кто-нибудь объяснит?

— Да, — сказал Виктор.

Михаил посмотрел на него.

— Ты серьёзно?

— У нас есть запас топлива на восемь месяцев. Еды на десять. Связь работает частично. Генератор исправен. Мы не можем сейчас отправиться в неизвестность только потому, что услышали странный голос.

— А если на Земле никого нет?

Анна посмотрела на него.

— Тогда тем более нам некуда отправляться.

На следующий день Михаил перестал шутить.

Он почти не выходил из радиорубки. Перебирал частоты, запускал резервные системы, проверял старые каналы связи. Время от времени звал Виктора, чтобы тот посмотрел на очередной график или таблицу.

К вечеру он нашёл сигнал.

Точнее, запись.

Она была короткой, но отчётливой.

— Всем полярным станциям. Это аварийная служба международного центра. Если вы слышите сообщение, оставайтесь на месте. Не предпринимайте попыток самостоятельной эва-

куации. Не доверяйте голосам, которые называют ваши имена. Повторяю: не доверяйте голосам, которые называют ваши имена.

Анна медленно опустилась на стул.

— Что за чёрт?

Михаил перемотал запись.

Голос был женский. Спокойный, почти безэмоциональный.

— Это записано когда?

— Не знаю. Временной метки нет.

— А откуда передача?

— Сигнал идёт через старый спутниковый канал. Но источник определить не могу.

Виктор взял наушники.

— Поставь ещё раз.

Они прослушали запись трижды.

Потом Виктор спросил:

— Там сказано «не доверяйте голосам, которые называют ваши имена». Это что, шутка?

— Не смешно, — ответила Анна.

— Я и не смеюсь.

Михаил открыл журнал входящих сигналов.

— Есть ещё кое-что.

— Что?

— За последние двое суток кто-то несколько раз выходил на связь с нашей станцией.

— Почему мы не слышали?

— Потому что передачи шли на частотах, которые мы обычно не используем. Я заметил их случайно.

— И что говорили?

Михаил повернул монитор.

На экране были три строки.

Виктор Сергеевич, не включайте генератор после полуночи.

Анна, не открывайте медицинский блок.

Миша, не отвечай, если услышишь маму.

В столовой стало очень тихо.

— Это кто написал? — спросила Анна.

— Не знаю.

— Откуда они знают наши имена?

Михаил покачал головой.

— Может, из старой базы станции. Наши личные данные есть в архиве.

— А про генератор откуда?

— Не знаю.

— А про медицинский блок?

Он не ответил.

Анна встала.

— Я проверю медицинский блок.

Виктор поднял голову.

— Не одна.

— Я не собираюсь в экспедицию. Мне нужно посмотреть на дверь.

— Тогда я с тобой.

Медицинский блок находился в отдельном крыле станции.

Анна открыла дверь своим ключом. Внутри пахло антисептиком и старым пластиком. Всё было на месте: шкафы с медикаментами, кушетка, аппаратура, холодильник для препаратов.

— Ну? — спросил Виктор.

— Ничего.

Она подошла к внутренней двери, ведущей в небольшой изолятор. В нём хранили запасные койки и оборудование для карантинных случаев.

На двери висела табличка: «НЕ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ».

Анна взялась за ручку.

— Не надо, — сказал Виктор.

— Почему?

— Потому что нам уже дважды сказали туда не ходить.

— И что? Мы теперь будем выполнять приказы неизвестного голоса?

Она открыла дверь.

Внутри было темно.

Анна включила свет.

Изолятор оказался пустым.

Почти.

На одной из коек лежал сложенный больничный халат. На нём была вышита фамилия: БЕЛОВА.

Анна замерла.

— Это твой? — спросил Виктор.

Она подошла ближе.

— Нет.

— Может, старый?

— Я никогда не работала в таком халате.

На рукаве была маленькая нашивка с номером. Анна провела пальцем по ткани.

— Виктор…

— Что?

— Это не наш комплект.

Он посмотрел на бирку.

На ней стояла дата производства.

2038 год.

Виктор достал телефон, сфотографировал халат и дверь.

— Пойдём отсюда.

На обратном пути Анна несколько раз оглянулась.

Ей казалось, что в темноте кто-то стоит у дальней стены.

Но каждый раз там была только пустая койка.

Ночью Виктор не спал.

Он сидел в техническом помещении и следил за показателями генератора. После сообщения с неизвестной частоты он решил не оставлять оборудование без присмотра.

В 00:17 свет мигнул.

Виктор поднял голову.

На панели загорелась красная лампочка.

АВАРИЙНЫЙ РЕЖИМ.

Он подошёл к генератору и увидел, что температура охлаждающей жидкости резко пошла вверх.

— Да чтоб тебя…

Виктор открыл защитную панель. Внутри что-то щёлкнуло.

В этот момент за его спиной раздался голос.

— Витя.

Он обернулся.

В дверях стояла женщина.

Невысокая, в синем пальто, с короткими светлыми волосами.

Виктор перестал дышать.

— Витя, ты меня слышишь?

Он узнал её сразу.

Его жена.

Марина умерла семь лет назад.

Она стояла в дверях так, словно только что вернулась из магазина. На лице была та самая улыбка, которую он помнил лучше собственного отражения.

— Марина…

Женщина сделала шаг.

— Не включай генератор.

Виктор отступил.

— Ты…

— Не включай, Витя. Пожалуйста.

Он схватился за край стола.

— Этого не может быть.

— Я знаю.

— Ты умерла.

— Знаю.

Она посмотрела на него с такой усталостью, что Виктору захотелось немедленно подойти и обнять её.

— Витя, послушай меня. Не включай.

Он вспомнил сообщение.

Виктор Сергеевич, не включайте генератор после полуночи.

— Кто ты? — прошептал он.

Марина опустила глаза.

— Ты же знаешь.

— Нет. Не знаю.

— Ты всегда так делал. Когда боялся, что правда окажется хуже, чем ты думаешь, ты начинал задавать вопросы.

Она улыбнулась.

— Я скучала.

Виктор закрыл глаза.

Когда открыл, в дверях никого не было.

Генератор продолжал работать.

Температура охлаждающей жидкости вернулась к норме.

На панели больше не горела красная лампочка.

Утром Виктор рассказал обо всём Анне и Михаилу.

Михаил долго молчал.

Потом спросил:

— Она что-нибудь говорила?

— Да.

— Что именно?

— Чтобы я не включал генератор.

Михаил посмотрел на него.

— А он был выключен?

— Нет.

— То есть ты ничего не включал?

— Нет.

— Тогда почему она сказала…

— Не знаю, Миша!

Виктор ударил ладонью по столу.

Анна положила руку ему на плечо.

— Успокойся.

— Я спокоен.

— Нет. Ты не спокоен.

Он отвернулся.

Михаил открыл ноутбук.

— Я нашёл кое-что ещё.

— Что теперь?

— Смотрите.

На экране была фотография станции. Снимок со спутника, сделанный, судя по подписи, три дня назад.

— Что это? — спросила Анна.

— Я увеличил изображение.

Он приблизил правую часть снимка.

Возле главного входа стояли люди.

Трое.

Виктор, Анна и Михаил.

Они были одеты в свою обычную зимнюю одежду. Виктор держал в руке термос, Анна стояла рядом, Михаил смотрел прямо в камеру.

— Это невозможно, — сказал Виктор.

— Снимок сделан три дня назад, — ответил Михаил.

— Мы тогда не выходили.

— Я знаю.

Анна наклонилась к экрану.

— Посмотри на лица.

Михаил увеличил изображение ещё сильнее.

На фотографии лица были размыты, но одежду можно было различить.

Виктор узнал свою куртку. Анна — красную шапку, которую давно потеряла.

Михаил смотрел на снимок, не моргая.

— Я никогда не носил такую куртку.

— Может, это старая фотография? — предположила Анна.

— Нет. На ней видна новая антенна. Её установили только месяц назад.

Виктор встал.

— Значит, на станции есть кто-то ещё.

— Или был, — тихо сказала Анна.

В следующие два дня они почти не разговаривали.

Каждый занимался своей работой, но теперь никто не оставался один надолго.

Михаил спал в радиорубке. Анна перенесла лекарства и часть оборудования в столовую. Виктор проверял двери, окна и вентиляцию.

Они не обсуждали увиденное.

Не потому, что забыли.

Просто каждый боялся услышать, что думают остальные.

На третий день связь ожила.

Сначала пришёл короткий сигнал, затем голос.

— «Север-17», вы должны покинуть станцию.

Михаил включил запись.

— Кто говорит?

— Аварийная служба.

— Назовите код станции.

Пауза.

— «Север-17». Код подтверждён.

— Назовите фамилии экипажа.

— Климов, Белова, Грачёв.

Михаил переглянулся с Виктором.

— Сколько человек находится на станции?

— Трое.

— Вы уверены?

— Да.

— Тогда почему я вижу четверых?

Связь оборвалась.

Анна медленно подняла голову.

— Что?

Михаил посмотрел на экран.

— Он сказал, что видит четверых.

Виктор подошёл к окну радиорубки.

За стеклом был коридор. Пустой.

— Может, это снова кто-то пытается нас напугать.

— Зачем? — спросила Анна.

— Не знаю.

— А если он действительно видит четверых?

Михаил снял наушники.

— Тогда нам нужно выяснить, кто четвёртый.

Они проверили все помещения.

Кладовые, технические отсеки, старый склад, резервный жилой блок. Заглянули даже в вентиляционные шахты, хотя Виктор уверял, что там не сможет спрятаться и ребёнок.

Никого.

Вечером Анна обнаружила на двери своей комнаты свежую царапину.

Она была сделана изнутри.

Три короткие линии и одна длинная.

Как будто кто-то пытался сосчитать.

Анна позвала остальных.

Михаил посмотрел на царапины.

— Три и один.

— Что это значит? — спросила она.

Виктор провёл пальцем по металлу.

— Кто-то был здесь.

— Или есть, — сказал Михаил.

Виктор резко повернулся.

— Хватит.

— Что?

— Хватит говорить загадками. Если ты что-то знаешь, скажи прямо.

Михаил открыл рот, но не успел ответить.

Из динамика на стене раздался голос.

— Анна, пожалуйста, не открывай дверь.

Все трое замерли.

Голос был мужской.

— Анна, ты должна меня услышать. Не открывай дверь.

Анна побледнела.

— Это кто?

Михаил подошёл к панели связи.

— Источник внутри станции.

— Кто говорит? — спросил Виктор.

Из динамика ответили:

— Это Андрей.

Анна медленно покачала головой.

— Нет…

— Мам, не открывай дверь.

Она отступила.

— Нет, нет, нет…

Виктор посмотрел на неё.

— Анна?

Она закрыла лицо ладонями.

— Моего сына звали Андрей.

Михаил выключил динамик.

Анна опустилась на пол.

— Ему было девять. Он погиб в аварии. Двенадцать лет назад.

Никто не произнёс ни слова.

В ту ночь Анна не спала.

Она сидела в своей комнате и смотрела на фотографию сына. На снимке Андрей держал в руках маленькую модель самолёта. Улыбался, щурясь от солнца.

В 02:13 в дверь постучали.

Три раза.

Анна подняла голову.

— Кто?

— Мам?

Она закрыла глаза.

— Уходи.

— Мам, мне холодно.

— Уходи!

— Ты ведь обещала, что больше не оставишь меня одного.

Анна встала и подошла к двери.

— Ты не мой сын.

За дверью долго молчали.

Потом мальчик тихо спросил:

— А почему тогда ты плачешь?

Анна прижалась лбом к двери.

Она не знала, что ответить.

Через минуту шаги удалились.

Когда она открыла дверь, коридор был пуст.

На полу лежала маленькая игрушечная машинка.

Красная.

Та самая, которую Андрей потерял в день аварии.

Анна подняла её и долго держала в ладони.

Потом отнесла в медицинский блок, положила в металлический шкаф и заперла.

Утром она попросила Виктора проверить записи камер.

На записи за прошлую ночь было видно, как Анна выходит из комнаты, поднимает с пола машинку и возвращается обратно.

Но самое странное было не это.

За несколько секунд до её появления в коридоре из-за поворота вышел мальчик.

Он остановился возле двери, положил игрушку на пол и ушёл.

Лицо было видно плохо.

Но Анна узнала его сразу.

— Это он, — сказала она.

Виктор выключил запись.

— Анна…

— Я знаю, что ты хочешь сказать.

— Ты понимаешь, что это может быть подделка?

— Конечно.

— Тогда…

— Но я его видела, Виктор. Слышала. Он стоял за дверью.

Она посмотрела на него.

— И ты тоже видел свою Марину.

Виктор не ответил.

Михаил сидел у компьютера и что-то печатал.

— Есть ещё одна вещь, — сказал он.

Виктор повернулся.

— Какая?

— Я нашёл журнал старых сообщений. Те самые передачи, которые мы ловили на протяжении нескольких дней. Они не пришли извне.

— Что?

— Они были отправлены с нашей станции.

— Кем?

Михаил повернул экран.

На мониторе отображалась таблица.

Отправитель: СЕВЕР-17.

Количество зарегистрированных пользователей: 4.

Виктор медленно подошёл ближе.

— Это ошибка.

— Возможно.

— У нас три пользователя.

Михаил указал на строку.

— Вот четвёртый.

На экране было имя.

ГРАЧЁВ МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ.

Михаил побледнел.

— Это не я.

— Твоё имя, — сказал Виктор.

— Я вижу.

— Отчество тоже.

— Я вижу!

Он резко закрыл ноутбук.

Анна посмотрела на него.

— Михаил, что происходит?

Он не ответил.

— Миша?

— Я не знаю.

Виктор подошёл к нему.

— Ты что-то скрываешь?

Михаил поднял голову.

— Да.

В комнате стало тихо.

— Что именно? — спросила Анна.

Михаил посмотрел на них обоих.

— Мой отец был на этой станции.

Виктор нахмурился.

— Ты говорил, что твой отец погиб.

— Он погиб.

— Тогда при чём здесь станция?

Михаил долго смотрел на свои руки.

— Он работал здесь в девяносто восьмом. Тогда станция называлась иначе. Была старая экспедиция, небольшой состав. Они пропали зимой. Никого не нашли.

— Ты никогда об этом не рассказывал.

— Потому что не хотел.

— Почему?

Михаил усмехнулся.

— Потому что мой отец пропал не один.

Он поднял глаза.

— С ним пропали ещё трое. Их тела так и не нашли. Официально решили, что они погибли во время выхода наружу.

Анна спросила:

— А неофициально?

— Мать говорила, что отец иногда звонил ей после исчезновения.

Виктор молчал.

— Она думала, что кто-то из военных её разыгрывает. Но он знал вещи, которые не мог знать никто. Что она готовит на ужин. Где лежит его старый свитер. Какой рисунок я принёс из школы.

— Сколько тебе было?

— Семь.

— И что она делала?

— Перестала отвечать.

Михаил посмотрел на закрытый ноутбук.

— А однажды он сказал ей, что скоро вернётся домой. Что ему осталось только дождаться, когда нас станет трое.

Они сидели до рассвета.

Михаил рассказал, что после смерти матери нашёл её старые записи. Среди них была кассета с голосом отца. На ней он говорил, что на станции происходят странные вещи, что люди слышат близких, видят умерших, а иногда встречают самих себя.

В конце записи отец произносил:

«Не пытайтесь понять, кто настоящий. Это не имеет значения. Главное — не отвечайте, когда вас позовут по имени. И никогда не считайте людей».

— Что значит «не считайте»? — спросила Анна.

— Не знаю.

Виктор потёр переносицу.

— Ты приехал сюда, зная всё это?

— Я приехал работать радистом. Я не верил в мамин рассказ. Думал, она просто не пережила его исчезновение.

— А сейчас?

Михаил посмотрел на дверь.

— Сейчас я уже не уверен.

Виктор встал.

— Хорошо. Тогда у нас есть одна задача. Мы связываемся с внешним миром, получаем эвакуацию и уезжаем отсюда.

— А если никто не ответит?

— Будем вызывать вертолёт.

— На Земле может никого не быть, Виктор.

— Тогда найдём кого-нибудь.

— Кого?

Виктор посмотрел на него.

— Хоть кого-нибудь.

Вертолёт они готовили весь следующий день.

На станции был старый транспортный аппарат, оставленный для аварийных вылетов. Он стоял в ангаре, и за последние месяцы его запускали только для проверки двигателя.

Виктор осмотрел топливную систему. Михаил проверил навигацию. Анна собрала медицинский набор.

Они договорились вылететь утром.

Перед сном Виктор зашёл в техническое помещение.

Генератор работал ровно.

Он проверил давление, температуру, уровень топлива. Всё было в норме.

На стене висела старая фотография экипажа станции. Одиннадцать человек. Снимок сделали в начале зимовки.

Виктор задержал взгляд на фотографии.

На заднем ряду стояла женщина в синем пальто.

Он подошёл ближе.

Это была Марина.

Не похожая на неё.

Не женщина с тем же лицом.

Его жена.

Виктор сорвал фотографию со стены.

На обороте была дата.

17 ноября 2038 года.

Он посмотрел на календарь.

Сейчас был 2041 год.

Виктор медленно перевернул снимок.

На обратной стороне кто-то написал:

«Нас было четверо. Потом стало трое. Потом опять четверо. Не пытайтесь уйти, пока не вспомните».

Утром Михаил не пришёл на завтрак.

Анна пошла к нему в радиорубку.

Дверь была открыта.

На столе стояла кружка с кофе. Рядом лежал блокнот.

В нём было написано:

«Я вспомнил».

Анна почувствовала, как холодеют пальцы.

Она взяла блокнот и открыла следующую страницу.

«Я был здесь раньше».

Дальше шла запись, сделанная другим почерком.

«Миша, если ты читаешь это, значит, опять началось. Не верь Виктору. Он не помнит. Анна тоже не помнит. Но ты помнишь. Ты всегда помнишь последним».

Анна обернулась.

В коридоре стоял Михаил.

Он выглядел совершенно обычно. Только глаза были красными, будто он не спал несколько суток.

— Что это? — спросила она.

Михаил посмотрел на блокнот.

— Не знаю.

— Здесь написано твоим почерком.

— Я не писал.

— Тогда кто?

Он не ответил.

Анна сделала шаг к нему.

— Миша, мы должны уходить.

— Не получится.

— Почему?

Он посмотрел на неё.

— Потому что мы уже уходили.

Виктор нашёл их в радиорубке.

— Что случилось?

Анна протянула ему блокнот.

Виктор прочитал запись, затем поднял глаза.

— Где вертолёт?

— В ангаре, — ответил Михаил.

— Тогда пошли.

Они вышли из здания.

На улице было ясно. Ветер стих, и снег лежал ровным белым полем. За станцией начиналась бесконечная равнина.

Виктор первым заметил следы.

Они тянулись от ангара к главному входу.

Три пары.

И ещё одна.

— Кто выходил ночью? — спросил он.

Никто не ответил.

Следы были свежими. Они уходили от ангара, но не возвращались.

Виктор присел, провёл рукой по снегу.

— Здесь четыре человека.

Анна посмотрела на него.

— Нас трое.

— Я вижу.

Михаил стоял неподвижно.

— Нет, — сказал он. — Нас всегда было четверо.

Виктор резко поднялся.

— Что ты несёшь?

Михаил посмотрел на него.

— Ты не помнишь?

— Чего?

— Первую зиму. Когда мы сюда приехали.

— Мы приехали полгода назад.

— Нет.

Михаил говорил тихо, почти спокойно.

— Мы приехали в ноябре. Ты был с Мариной. Анна была с Андреем. Я был с отцом. Нас было четверо.

Анна покачала головой.

— Нет. Мой сын погиб двенадцать лет назад.

— Я знаю.

— Марина умерла семь лет назад, — сказал Виктор.

— Я знаю.

— Тогда о чём ты говоришь?

Михаил посмотрел на белую равнину.

— Мы приехали сюда не работать. Мы приехали искать тех, кого потеряли.

Виктор хотел возразить, но вдруг почувствовал, что слова не складываются.

Перед глазами на мгновение возникло что-то странное.

Старый вертолёт.

Снег.

Марина смеётся, сидя на ящике с оборудованием.

Мальчик Андрей крутит в руках красную машинку.

Михаил стоит возле радиорубки, а рядом с ним мужчина в меховой шапке.

Потом всё исчезло.

— Что это было? — прошептал Виктор.

Анна смотрела на него.

— Ты вспомнил?

Виктор не ответил.

Они вернулись в здание.

Михаил включил старую систему видеонаблюдения и нашёл архив за ноябрь 2038 года.

На записи трое людей входили в столовую.

Виктор.

Анна.

Михаил.

Они снимали куртки, разговаривали, смеялись.

За столом стояли четыре кружки.

Четвёртая была пустой.

Виктор приблизил изображение.

На экране он увидел себя, но моложе. Рядом сидела Марина. Напротив — Анна и маленький Андрей.

Михаил стоял за их спинами.

Он что-то говорил, а остальные смеялись.

Потом запись оборвалась.

На следующем фрагменте столовая была пуста.

На столе стояли четыре кружки.

Из коридора доносился голос.

— Витя, ты где?

Марина.

Виктор откинулся на спинку кресла.

— Я помню, — сказал он.

Анна подошла ближе.

— Что?

— Мы приехали сюда вместе.

Он закрыл лицо ладонями.

— Марина не умерла. Не здесь. Она исчезла на станции. Андрей тоже. Отец Михаила…

— Они ушли, — сказал Михаил.

— Куда?

Михаил посмотрел на него.

— Не знаю.

Анна медленно села.

— А мы?

— Мы остались.

— Почему?

Михаил не ответил.

Виктор снова посмотрел на экран.

В кадре пустая столовая. Четыре кружки.

И вдруг в глубине комнаты появился человек.

Он стоял спиной к камере.

Потом повернулся.

Это был Виктор.

Только старше.

Седой, осунувшийся, с глубокими морщинами.

Он подошёл к столу, взял четвёртую кружку и поставил её на место.

Затем посмотрел прямо в камеру.

И произнёс:

— Не считайте нас.

Вертолёт они всё-таки запустили.

Виктор сидел за управлением. Анна пристегнулась рядом. Михаил устроился сзади.

Двигатель заработал с первой попытки.

Они поднялись над станцией.

С высоты «Север-17» выглядела крошечной. Несколько низких зданий, антенны, ангар, метеоплощадка. Всё это терялось среди снега.

Виктор набрал высоту.

— Куда летим? — спросила Анна.

— На юг. Попробуем поймать сигнал.

Михаил смотрел в иллюминатор.

— Там никого нет.

— Ты этого не знаешь.

— Знаю.

— Откуда?

Михаил не ответил.

Вертолёт летел над ледяной равниной. Через двадцать минут впереди показались огни.

Виктор нахмурился.
— Что за…
Внизу стояла станция.
Такая же, как «Север-17».
Те же здания. Тот же ангар. Те же антенны.
— Это невозможно, — сказала Анна.
Виктор снизился.
— Может, старая база?
— На карте её нет.
Они сделали круг.
На площадке возле главного входа стояли люди.
Трое.
Один мужчина в тёмной куртке, женщина в красной шапке и молодой радист.
Виктор узнал их.
Он видел их лица каждое утро в зеркале.
— Это мы, — прошептала Анна.
Внизу люди подняли головы.
Молодой радист поднял руку и помахал им.
Михаил закрыл глаза.
— Не садись.
— Почему?
— Потому что там мы.
Виктор потянул ручку управления на себя.
— Мы уже здесь.
— Нет, Виктор. Мы там.
На мгновение ему показалось, что вертолёт перестал двигаться.
Снег, станция, люди внизу — всё застыло.
Потом в наушниках раздался голос.
— «Север-17», ответьте.
Михаил резко повернулся.
— Не отвечай.
— «Север-17», ответьте. Это аварийная служба. Вы должны покинуть станцию.
Виктор посмотрел на приборы.
На экране мигала надпись:
ЭКИПАЖ: 3 ЧЕЛОВЕКА.
Затем цифра изменилась.
ЭКИПАЖ: 4 ЧЕЛОВЕКА.
Анна посмотрела назад.
— Миша?
Её голос дрожал.
— Что?
— Ты сидишь не один.
Михаил медленно повернулся.
Рядом с ним сидел мужчина в старой меховой шапке.
Михаил смотрел на него, не двигаясь.
— Папа…
Мужчина улыбнулся.
— Ну здравствуй, сынок.
Михаил заплакал.

Виктор потянулся к управлению, но перед глазами снова вспыхнула белая пустота.

Он услышал голос Марины:

— Витя, не надо.

Потом голос Андрея:

— Мам, мы дома.

И ещё один голос, совсем тихий:

— Не считайте нас.

Виктор открыл глаза.

Он сидел за столом в столовой станции.

Перед ним стояла кружка кофе.

Анна раскладывала таблетки по коробочкам. Михаил возился с радиоприёмником.

За окном бушевала метель.

Виктор посмотрел на календарь.

14 февраля 2041 года.

Он поднялся.

— Доброе утро, — сказал Михаил.

— Доброе.

— Спал?

— Не очень.

Анна улыбнулась.

— Сегодня твоя очередь проверять генератор.

Виктор кивнул.

Всё было привычным. Почти нормальным.

Он вышел в коридор, прошёл мимо медицинского блока и остановился у двери радиорубки.

На столе лежал раскрытый блокнот.

Виктор подошёл.

На последней странице было написано:

«Нас осталось трое. Пока трое».

Он перевернул страницу.

Там стояла дата — 14 февраля 2041 года.

Ниже было ещё одно предложение.

«Сегодня мы снова попробуем уйти».

Виктор долго смотрел на эти слова.

Потом закрыл блокнот.

Из динамика донёсся голос Михаила:

— Виктор Сергеевич, подойдите, пожалуйста.

— Что случилось?

— Тут сообщение.

Виктор вошёл в радиорубку.

На экране горела одна строка:

«Всем оставшимся станциям. Ответьте, если слышите. Земля больше не отвечает».

Михаил посмотрел на него.

— Ну что будем делать?

Виктор сел рядом.

За окном метель заметала следы на снегу.

— Для начала, — сказал он, — проверим, сколько нас.

Анна вошла в комнату и остановилась у двери.

— Трое, — ответила она.

Михаил посмотрел на неё.
Виктор — на Михаила.
И только потом они заметили, что на столе стоят четыре кружки.

Последний учитель

В тот день, когда в школе впервые за долгое время зазвенел звонок, никто не пришёл.

Павел Андреевич нажал кнопку сам. Просто проверил, работает ли ещё старый механизм. Звонок прозвучал над пустым двором, прокатился по коридорам и затих где-то возле спортивного зала.

Он постоял у двери класса, прислушиваясь.

Тишина.

— Ну вот, — сказал он. — Хоть кто-то сегодня пришёл на урок.

Он снял с доски вчерашнюю надпись, аккуратно протёр её мокрой тряпкой и написал новую:

«Человек и общество. Урок первый».

Потом посмотрел на часы.

До начала занятий оставалось семь минут.

Павел Андреевич поставил на стол чайник, достал из шкафа банку с заваркой и приготовился ждать.

Он знал, что ученики придут.

Они всегда приходили.

Не потому, что хотели учиться. Просто в школе было тепло.

Школа стояла на окраине небольшого посёлка Берёзовка. Когда-то здесь жили почти две тысячи человек, работали молочная ферма, лесопилка, магазин, почта и дом культуры. По утрам автобусы увозили детей в районный центр, а вечером возвращали обратно.

Теперь в посёлке оставалось двадцать семь жителей.

Сколько было детей, Павел Андреевич точно не знал. Семеро числились учениками школы. Все семеро.

Первый пришёл Сашка.

Ему было двенадцать, но выглядел он старше. После смерти родителей мальчик жил у деда, который плохо слышал и ещё хуже понимал, зачем внуку каждый день ходить в школу.

— Здрасьте, — сказал Сашка, бросая рюкзак на парту.

— Доброе утро. Почему опоздал?

— Деда искал.

— Где он был?

— В сарае.

— И что там делал?

— С телевизором разговаривал.

Павел Андреевич посмотрел на него.

— Опять?

— Ага. Говорит, диктор врёт.

— Может, диктор действительно врёт.

— Так телевизор-то не работает.

— Вот это уже серьёзное обстоятельство.

Сашка усмехнулся и сел.

Через несколько минут пришли остальные.

Лиза, четырнадцати лет, всегда носила с собой блокнот и рисовала в нём дома, которых больше не существовало. Её младший брат Тимофей был тихим, но упрямым: если не знал ответа, мог сидеть над задачей до самого вечера.

Двойняшки Катя и Костя приходили вместе и почти всегда спорили. Катя считала, что после конца света нужно строить новый мир. Костя полагал, что сначала надо найти старый.

Последней вошла Настя. Ей было десять. Она жила с матерью в доме возле реки и никогда не снимала красную шерстяную шапку, даже в помещении.

— Всё, — сказал Павел Андреевич, когда дети расселись. — Начинаем.

— А где остальные? — спросила Лиза.

— Какие остальные?

— Ну, кто ещё учился.

Он взял мел.

— Остальные сегодня освобождены от занятий.

— Почему?

Павел Андреевич повернулся к ней.

— Потому что они умерли, Лиза.

Девочка опустила глаза.

Он понял, что сказал слишком резко.

— Простите. Неудачно выразился.

— А вы их помните? — спросил Тимофей.

— Конечно.

— Всех?

Павел Андреевич посмотрел на доску.

— Пока всех.

Первый урок был посвящён истории.

Не потому, что так требовала программа. Программы больше не существовало. Министерство образования перестало выходить на связь ещё прошлой зимой, а потом исчезли и сами ведомства, которые должны были поддерживать эту связь.

Павел Андреевич продолжал преподавать по старым учебникам.

Он объяснял детям, как люди строили города, прокладывали дороги, создавали государства, торговали, воевали, заключали союзы.

— А зачем им были нужны государства? — спросил Костя.

— Чтобы организовывать жизнь большого количества людей.

— А без государства нельзя?

— Можно. Но сложно.

— У нас сейчас нет государства, и ничего. Живём.

— Ты уверен, что ничего?

Костя пожал плечами.

— Ну, живём же.

Павел Андреевич положил мел на стол.

— Представь, что завтра кто-нибудь решит забрать у вас колодец. Просто потому, что у него ружьё, а у вас нет. Что вы будете делать?

— Попросим не забирать, — ответила Настя.

— А если не послушает?

— Позовём взрослых.

— А если взрослые не смогут договориться?

Катя подняла руку.

— Тогда надо выбрать главного.

— Хорошо. А кто будет выбирать главного?

— Все.

— А если все выберут разных?

— Тогда голосовать.

— А если проигравший не согласится?

Катя задумалась.

— Значит, надо придумать закон.

Павел Андреевич улыбнулся.

— Вот видите. Вы только что придумали государство.

— Мы придумали собрание, — возразил Костя. — Это не одно и то же.

— Не одно. Но иногда с собрания всё начинается.

Сашка поднял руку.

— А можно вопрос?

— Конечно.

— А зачем нам всё это, если людей почти не осталось?

Учитель не ответил сразу.

За окном медленно падал снег. На школьном дворе стояла старая берёза, под которой прошлой весной хоронили завхоза. Дети тогда сами принесли доски, а Павел Андреевич написал на деревянной табличке его имя.

— Потому что людей всё ещё достаточно, чтобы обижать друг друга, — сказал он наконец. — И достаточно, чтобы помогать.

Сашка кивнул, будто понял.

Но по его лицу было видно: он просто запомнил ответ.

После уроков дети не расходились.

Они обычно помогали Павлу Андреевичу носить дрова, чистить снег и проверять школьную печь. За это он иногда разрешал им смотреть старые фильмы на проекторе, если удавалось запустить генератор.

В тот день они сидели в библиотеке.

Лиза рассматривала карту мира.

— Павел Андреевич, а сколько людей сейчас на Земле?

— Не знаю.

— А раньше сколько было?

— Почти восемь миллиардов.

— Восемь миллиардов, — повторила Настя. — Это сколько?

— Очень много.

— Больше, чем деревьев?

— Намного больше.

— А сейчас?

Павел Андреевич посмотрел на неё.

— Сейчас никто не знает.

— А если осталось только сто?

— Возможно.

— А если десять?

— Тоже возможно.

— А если мы последние?

В библиотеке стало тихо.

Костя перестал листать книгу.

Сашка смотрел в окно.

— Тогда нам надо родить много детей, — сказал он.

— Не говори глупостей, — отозвалась Катя.

— Почему?

— Потому что для этого нужны взрослые.

— А мы вырастем.

— И что? Нас семеро. Ты хочешь, чтобы все женились друг на друге?

— Я не это имел в виду.

— А что?

Павел Андреевич закрыл книгу.

— Давайте не будем сегодня решать судьбу человечества. У нас ещё домашнее задание не сделано.

Дети рассмеялись.

Он тоже улыбнулся.

Но вечером, когда все ушли, долго сидел в библиотеке и смотрел на карту.

Восемь миллиардов.

Он помнил, как однажды читал лекцию о населении планеты. Тогда цифра казалась ему почти невозможной. Он говорил о городах, странах, языках, культурах. О людях, которые жили в разных концах Земли и никогда не узнали бы друг о друге.

Теперь он не мог вспомнить даже всех фамилий своих учеников.

Через неделю пришло сообщение.

Его принёс почтальон из соседнего посёлка — худой мужчина по фамилии Круглов, который добирался на велосипеде даже зимой.

— Павел Андреевич, тут вам.

Он протянул небольшой конверт.

— От кого?

— Не знаю. Передали через район.

На конверте было написано:

«Берёзовская школа. Директору».

Павел Андреевич открыл его уже после ухода почтальона.

Внутри лежал лист бумаги.

Печатный текст, без подписи:

«В связи с прекращением функционирования образовательной системы и отсутствием условий для дальнейшего обучения несовершеннолетних граждан рекомендуется прекратить занятия. Ответственность за безопасность детей возлагается на родителей и представителей местных общин».

Ниже стояла дата.

Два месяца назад.

Павел Андреевич перечитал письмо.

Потом аккуратно сложил его и положил в ящик стола.

На следующий день занятия прошли как обычно.

Проблема возникла в четверг.

Сашка не пришёл.

Павел Андреевич подождал десять минут, потом отправил Костю узнать, что случилось.

Мальчик вернулся через полчаса.

— Его дед не пускает.

— Почему?

— Говорит, школа больше не нужна.

— А Сашка что?

— Сидит дома.

Павел Андреевич надел пальто.

— Продолжайте решать задачи. Я скоро вернусь.

Дом Сашки стоял возле старой водонапорной башни. Во дворе лежали дрова, возле крыльца стояла тележка с мешками картошки.

Дед мальчика сидел на лавке и чистил нож.

— Здравствуйте, Иван Петрович.

— Здорово.

— Сашка дома?

— Дома.

— Почему не отпускаете в школу?

Старик продолжил чистить нож.

— А зачем ему школа?

— Учиться.

— Чему?

— Читать, считать, писать. Думать.

— Думать ему и дома есть о чём.

Павел Андреевич снял перчатки.

— Иван Петрович, вы же сами просили меня заниматься с ним.

— Просил. Тогда ещё была надежда.

— На что?

— Что всё вернётся.

— А теперь?

Старик посмотрел на него.

— Теперь ничего не вернётся. Людей нет. Работы нет. Власти нет. Зачем мальчику математика? Ему дрова колоть надо и картошку выращивать.

— Он и дрова колет, и картошку выращивает. Это не мешает ему учиться.

— Вы его в космонавты готовите?

Павел Андреевич невольно улыбнулся.

— Нет. Хотя кто знает.

— Не смешно.

— Я и не шучу.

Старик отложил нож.

— Послушайте, Павел Андреевич. Я вас уважаю. Вы хороший человек. Но вы всё ещё живёте так, будто завтра придёт директор, выдаст вам зарплату и скажет, что учебный год окончен. Этого не будет.

— Возможно.

— Так зачем вы мучаете детей?

Учитель помолчал.

— Потому что они дети, Иван Петрович.

— И что?

— Они не обязаны сдаваться только потому, что мы, взрослые, уже сдались.

Старик отвернулся.

В окне показалось лицо Сашки.

— Я сам решу, — крикнул он.

— Сиди дома! — рявкнул дед.

Мальчик исчез.

Павел Андреевич застегнул пальто.

— Я буду ждать его завтра.

— Зря будете.

— Это уже моё дело.

На следующий день Сашка пришёл.

Сел за последнюю парту и достал тетрадь.

Павел Андреевич ничего не сказал. Только положил перед ним новую ручку.

После уроков мальчик задержался.

— Вы на деда не обижайтесь.

— Не обижаюсь.

— Он просто боится.

— Чего?

Сашка пожал плечами.

— Что я вырасту, а жить будет негде.

Павел Андреевич сел рядом.

— А ты чего боишься?

Мальчик долго молчал.

— Что он умрёт.

Учитель посмотрел на его худое лицо.

— Это может случиться с каждым.

— Я знаю.

— И ты ничего не можешь с этим поделать.

— Знаю.

— Но пока он рядом, ты можешь быть с ним. Разговаривать, помогать. А ещё можешь учиться. Не вместо жизни, а вместе с ней.

Сашка кивнул.

— А если я всё равно ничего не успею?

— Что именно?

— Стать кем-нибудь.

Павел Андреевич улыбнулся.

— Саша, тебе двенадцать лет. Ты даже бороду ещё не отрастил.

— У меня усы есть.

— Это не усы. Это недоразумение.

Сашка засмеялся.

И впервые за несколько дней учитель почувствовал, что урок состоялся.

В начале марта в Берёзовке случилась беда.

Сгорел дом семьи Кузнецовых.

Пожар начался ночью. Взрослые успели вынести детей, но спасти имущество не смогли. Сгорели документы, одежда, запасы, почти все книги.

Утром Павел Андреевич собрал учеников.

— Сегодня уроков не будет.

— Почему? — спросила Катя.

— Потому что мы пойдём помогать.

Они взяли лопаты, топоры и мешки. Взрослые уже разбирали завалы. Дети таскали доски, очищали снег, сортировали уцелевшие вещи.

К обеду работа почти закончилась.

Павел Андреевич заметил, что Лиза сидит на бревне и плачет.

— Что случилось?

— У них всё сгорело.

— Да.

— Даже книжки.

— Да.

— А если у меня тоже всё сгорит?

Он сел рядом.

— Тогда мы найдём тебе другие.

— А если не найдём?

— Я дам тебе свои.

Лиза посмотрела на него.

— А если сгорят и ваши?

Павел Андреевич задумался.

— Тогда будем рассказывать по памяти.

— А если забудем?

— Значит, придумаем новые.

Девочка вытерла лицо рукавом.

— Это уже будут другие истории.

— Конечно. Но разве это плохо?

Она не ответила.

Вечером дети вернулись в школу и попросили разрешения взять книги из библиотеки для семьи Кузнецовых.

Павел Андреевич разрешил.

Они унесли почти сорок книг.

В библиотеке стало заметно пустее.

Он впервые за долгое время обрадовался пустым полкам.

Весна задерживалась.

Снег лежал до середины апреля. Запасы дров подходили к концу. У школьной печи прогорела одна из заслонок, и Павел Андреевич несколько дней пытался её починить.

Дети приходили реже.

Некоторые помогали родителям на огородах, другие болели, третьи просто уставали.

Однажды утром в классе сидели только трое: Сашка, Лиза и Настя.

Павел Андреевич посмотрел на пустые парты.

— Ну что, начнём?

— А где остальные? — спросила Настя.

— У каждого свои дела.

— А если они больше не придут?

Учитель открыл журнал.

— Тогда будем учиться втроём.

— А если останемся одни?

Он посмотрел на девочку.

— Тогда будем учиться вдвоём.

— А если я одна?

Павел Андреевич закрыл журнал.

— Тогда я буду учить тебя одну.

Настя задумалась.

— А если вы умрёте?

Он не сразу нашёлся с ответом.

— Тогда ты будешь учиться сама.

— А у кого?

— У книг.

— А если книг не будет?

— У людей.

— Каких людей? Их же не будет.

Павел Андреевич подошёл к окну.

На школьном дворе лежал снег. Возле забора росла берёза, и на её ветках уже набухали почки.

— Тогда у природы, — сказал он.

— А она умеет учить?

— Лучше многих учителей.

Настя улыбнулась.

— А вы?

— А я пока ещё живой. Так что открывай тетрадь.

В конце апреля Павел Андреевич заболел.

Сначала появился кашель, потом поднялась температура. Он пытался продолжать занятия, но однажды утром не смог встать с кровати.

Дети пришли после уроков.

Сашка принёс дрова. Лиза — суп в кастрюле. Настя положила на тумбочку яблоко, которое берегла с зимы.

— Что вы тут делаете? — спросил Павел Андреевич.

— Пришли проведать, — ответила Лиза.

— У вас уроки.

— Сегодня отменили.

— Кто отменил?

Сашка посмотрел на него.

— Директор.

Павел Андреевич улыбнулся.

— Вот как.

Он попытался сесть, но закружилась голова.

Анна Михайловна, единственный фельдшер на несколько посёлков, сказала, что ему нужен покой. Лекарств почти не осталось, но пока ничего страшного не было.

Дети приходили каждый день.

Они приносили воду, топили печь, читали вслух.

Однажды Лиза спросила:

— А вы когда-нибудь хотели стать кем-нибудь другим?

— Конечно.

— Кем?

— Моряком.

— Почему не стали?

— Потому что боялся воды.

— А учителем почему стали?

Павел Андреевич улыбнулся.

— Потому что однажды учительница сказала мне, что я хорошо объясняю.

— И вы поверили?

— Нет. Но решил проверить.

Сашка сидел у печки.

— А вы не жалеете?

— О чём?

— Что всю жизнь в школе провели.

Павел Андреевич посмотрел на него.

— Нет.

— Даже сейчас?

— Особенно сейчас.

Сашка опустил глаза.

В мае в Берёзовку пришли чужие.

Их было пятеро. Двое мужчин, две женщины и мальчик лет семи. Они шли пешком с юга, тащили тележку с вещами и вели на верёвке козу.

Один из мужчин постучал в дверь школы.

— Здесь кто-нибудь есть?

Павел Андреевич открыл.

— Есть.

— Нам бы воды.

— Проходите.

Путники оказались из соседнего района. Их поселение распалось после зимы. Несколько человек умерли, остальные разошлись кто куда.

Мальчик держался за руку матери и молчал.

— Как тебя зовут? — спросил Павел Андреевич.

— Илья.

— В школу ходил?

Мальчик покачал головой.

— А читать умеешь?

Снова покачал.

— Ничего. Научим.

Мужчина удивлённо посмотрел на учителя.

— Вы здесь школу держите?

— Да.

— А сколько учеников?

Павел Андреевич задумался.

— По-разному.

— И зачем?

Вопрос прозвучал почти так же, как когда-то от деда Сашки.

Учитель улыбнулся.

— Чтобы дети умели читать.

Мужчина посмотрел на него с усталой жалостью.

— Сейчас другие задачи.

— Я знаю.

— Вы не понимаете. Нам надо найти еду, жильё, безопасное место. Ваши уроки ничего не изменят.

— Возможно.

— Тогда зачем?

Павел Андреевич посмотрел на мальчика.

— Потому что ему однажды придётся прочитать инструкцию к лекарству. Или письмо. Или карту. Или договор, который кто-нибудь предложит ему подписать. Я не знаю, что именно ему понадобится. Но хочу, чтобы он мог разобраться сам.

Мужчина ничего не ответил.

А мальчик вдруг спросил:

— А у вас есть букварь?

Павел Андреевич посмотрел на него.

— Есть.

— Можно посмотреть?

— Конечно.

В тот вечер школа снова наполнилась голосами.

Новые люди остались в Берёзовке. Им дали пустой дом возле старой фермы. Мужчины помогали чинить крышу, женщины обменивались семенами и продуктами. Мальчик Илья впервые пришёл на урок.

Он сидел рядом с Настей и внимательно смотрел на доску.

Павел Андреевич написал крупными буквами:

А О У И

— Сегодня будем учиться читать, — сказал он.

— Я знаю буквы, — неожиданно заявил Илья.

— Правда?

— Немного.

— Тогда покажи.

Мальчик подошёл к доске и указал на первую букву.

— Это А.

— Правильно.

— Это О.

— Верно.

— А это…

Он замолчал.

— У, — подсказала Настя.

— У, — повторил Илья.

Павел Андреевич кивнул.

— Отлично. Теперь попробуем сложить их вместе.

За окном начинался дождь.

Капли стучали по подоконнику, печь тихо потрескивала, а в классе пахло мокрыми куртками и старой бумагой.

Павел Андреевич смотрел на детей.

Семеро его прежних учеников снова были здесь. Не все, не каждый день, но почти все. К ним присоединился Илья, а ещё двое ребят из новой семьи обещали прийти завтра.

Он открыл журнал.

На первой странице всё ещё стоял старый список.

Семь фамилий.

Некоторые были зачёркнуты.

Он достал ручку и добавил новую.

Илья Серов.

Потом ещё одну.

Мария Серова.

И ещё.

Денис Серов.

Журнал снова перестал быть пустым.

Летом школа начала жить по-новому.

В классах сушили травы, в мастерской ремонтировали инструменты, в спортзале хранили мешки с зерном. Дети помогали взрослым, взрослые помогали детям. По вечерам Павел Андреевич читал вслух книги, а те, кто умел, записывали истории стариков.

Однажды Сашка принёс ему старую школьную фотографию.

— Смотрите, что нашёл.

На снимке был выпуск 2025 года. Двадцать три человека, молодые, смешливые, с букетами и ленточками.

Павел Андреевич долго смотрел на фотографию.

— Это кто? — спросила Настя.

— Мои ученики.

— Они живы?

Он провёл пальцем по краю снимка.

— Не знаю.

— А как их звали?

Он начал перечислять.

Сначала легко. Потом всё медленнее.

На некоторых лицах память задерживалась, на других — нет. Он помнил, кто любил опаздывать, кто списывал, кто однажды разбил окно мячом. Но фамилии уходили, будто вода сквозь пальцы.

— Я боюсь забыть их, — сказал он.

Лиза села рядом.

— Давайте запишем.

— Что?

— Всё, что помните. Мы будем записывать.

Так они начали делать книгу.

Не учебник, не летопись, не список погибших.

Просто книгу о людях, которые жили в Берёзовке.

Записывали имена, привычки, смешные случаи, любимые песни, семейные истории. Иногда спорили, как правильно что-то написать. Иногда находили старые фотографии и подолгу разглядывали незнакомые лица.

К осени у них набралось сорок семь страниц.

Павел Андреевич назвал книгу «Наши».

В конце октября учитель снова заболел.

На этот раз он понял, что болезнь серьёзная.

Он почти не вставал с постели, отказывался от еды и много спал. Анна Михайловна приходила дважды в день, но ничего обещать не могла.

Дети сидели рядом.

— Вы поправитесь, — сказал Сашка.

Павел Андреевич слабо улыбнулся.

— Постараюсь.

— А кто будет вести уроки?

— Вы.

— Мы не умеем.

— Научитесь.

Лиза открыла тетрадь.

— Я могу читать младшим.

— Хорошо.

— Катя будет математику объяснять.

— Отлично.

— Костя хочет вести историю.

— Только пусть не врёт.

Дети засмеялись.

Настя сидела у окна.

— А кто будет учить нас всему остальному?

Павел Андреевич посмотрел на неё.

— Друг друга будете учить.

— А если мы не будем знать?

— Тогда будете искать ответ.

— А если не найдём?

Он взял её за руку.

— Тогда не бойтесь сказать, что не знаете. Это не стыдно.

Настя кивнула.

Павел Андреевич закрыл глаза.

— И ещё кое-что.

— Что? — спросил Сашка.

— Не превращайте школу в место, куда ходят только потому, что надо.
— А во что превращать?
Учитель улыбнулся.
— В место, куда хочется вернуться.
Он умер ночью, когда в Берёзовке выпал первый снег.
Утром дети пришли в школу и увидели, что дверь заперта.
На крыльце стояла Анна Михайловна.
Она ничего не сказала.
Сашка понял первым.
Он снял шапку и долго смотрел на снег.
Потом спросил:
— А уроки сегодня будут?
Анна Михайловна не ответила.
Лиза заплакала.
Настя стояла рядом и держала в руках маленький букет сухих цветов.
Похоронили Павла Андреевича возле школьной берёзы, рядом с завхозом.
На деревянной табличке дети написали:
«Павел Андреевич Соколов. Учитель. Он нас не бросил».
После похорон они собрались в классе.
На доске всё ещё оставалась старая надпись:
«Человек и общество. Урок первый».
Сашка взял мел.
Долго думал, потом написал:
«Урок второй».
— Что будем делать? — спросил Костя.
— Учиться, — ответила Катя.
— А кто будет учителем?
Лиза открыла журнал.
— Сегодня я.
— А завтра?
— Завтра кто-нибудь другой.
Настя подошла к доске.
— А если никто не захочет?
Сашка посмотрел на неё.
— Тогда будем по очереди.
Он взял мел и написал ниже:
«Сегодня учимся читать».
Илья поднял руку.
— А я уже умею немного.
— Тогда будешь помогать мне, — сказал Сашка.
Мальчик улыбнулся.

Через много лет эту школу называли первой школой нового Берёзовского поселения.

Никто уже не помнил, кто придумал такое название. В старом архиве сохранился журнал, несколько фотографий и толстая тетрадь с надписью «Наши».

В ней были записаны истории жителей посёлка, имена тех, кто погиб, и рассказы тех, кто сумел выжить.

На последней странице кто-то оставил запись:

«Учитель Павел Андреевич Соколов говорил, что образование нужно не для того, чтобы получить работу или стать важным человеком. Оно нужно, чтобы человек мог самостоятельно понять, что происходит вокруг него, и не позволял другим решать за него, кем ему быть.

Он умер, когда нас было двадцать семь.

Когда мы открыли школу снова, нас было сорок три.

Сейчас нас триста восемнадцать.

У нас есть огород, мастерская, пекарня и библиотека. Мы построили новый мост через реку. В прошлом году родилось девять детей.

Иногда мне кажется, что Павел Андреевич был прав. Он говорил, что мир заканчивается не тогда, когда рушатся города. Мир заканчивается, когда люди перестают передавать друг другу то, что знают.

Сегодня я впервые провёл урок для младших.

Я боялся, что не справлюсь.

Но дети слушали.

Значит, всё ещё продолжается».

Под записью стояла подпись:

Александр Иванов. Первый выпускник Берёзовской школы после конца старого мира.

А под ней, уже другой ручкой, была приписка:

«Павел Андреевич, у нас всё получилось. Простите, что иногда шумели на уроках».

В тот день в школе снова прозвенел звонок.

И на этот раз на урок пришли все.

Человек, который не хотел уезжать

1. Последний адрес

Когда в город приехали автобусы, Николай Петрович как раз чистил картошку.

Он сидел на кухне, возле окна, в старой клетчатой рубашке, и срезал кожуру длинными тонкими полосками. На плите кипел чайник. По радио рассказывали о ситуации в соседнем районе, где за ночь пришлось эвакуировать ещё три населённых пункта.

Ведущая говорила бодро, почти весело. Так обычно говорят люди, которым не приходится собирать свою жизнь в две сумки.

Николай Петрович убавил громкость.

На улице послышался гул.

Сначала он решил, что это грузовик. Потом увидел в окне автобусы. Четыре штуки, один за другим, они медленно двигались по главной улице, оставляя после себя клубы пыли.

За ними ехали машины МЧС.

Сосед напротив, Виктор Семёнович, уже стоял у калитки. На нём была куртка, хотя на дворе стояло настоящее бабье лето.

— Коля! — крикнул он. — Ты собираешься?

Николай Петрович посмотрел на картофелину.

— Куда?

— Как куда? В эвакуацию!

— А, — сказал Николай Петрович. — Нет.

Он продолжил чистить картошку.

Виктор несколько секунд стоял с открытым ртом.

— Ты что, не слышал? Сегодня последний день!

— Слышал.

— Так чего сидишь?

— Картошку чищу.

Виктор посмотрел на него так, словно впервые за шестьдесят лет знакомства обнаружил у соседа признаки серьёзного умственного расстройства.

— Да ты совсем, что ли?

— Возможно.

Николай Петрович улыбнулся.

Виктор не улыбнулся в ответ.

— Через неделю сюда уже никто не войдёт. Район закроют. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— Земля пойдёт!

— Земля и раньше ходила. Особенно после дождя.

— Николай!

— Виктор, не кричи. У меня чайник свистит.

Он поднялся, выключил плиту и налил себе чаю.

За окном автобусы остановились возле сельсовета.

Люди выходили, открывали багажные отделения, доставали папки с документами. Кто-то плакал. Кто-то ругался с сотрудниками администрации. Дети бегали между машинами, не понимая, почему взрослые вдруг стали такими нервными.

Город готовился умереть.

А Николай Петрович готовил обед.

Посёлок назывался Бережки.

Когда-то здесь проживало почти семь тысяч человек. Был кирпичный завод, небольшая больница, две школы, клуб, библиотека и даже собственный кинотеатр, в котором Николай Петрович впервые поцеловал свою будущую жену.

Теперь в Бережках оставалось чуть больше двухсот жителей.

Кирпичный завод закрыли двадцать лет назад. Клуб сгорел. В больнице работала одна медицинская сестра, а в кинотеатре хранили старые стулья и мешки с картошкой.

Но город всё ещё жил.

На улицах росли тополя, во дворах сушилось бельё, в магазине продавали хлеб, а по утрам возле остановки собирались пенсионеры, обсуждавшие цены, погоду и то, что молодёжь нынче пошла совершенно не та.

Николай Петрович прожил здесь шестьдесят три года.

В этом доме родились его дети. Здесь он провёл тридцать восемь лет с женой. Здесь хоронил родителей, отмечал дни рождения, ругался с соседями, красил забор, менял крышу и однажды три недели не разговаривал с женой из-за неправильно посаженной яблони.

Яблоня, кстати, пережила жену.

Стояла во дворе, старая, перекошенная, но каждую весну покрывалась белыми цветами.

Николай Петрович считал это хорошим характером.

К вечеру к нему приехали двое сотрудников администрации.

Молодая женщина с планшетом и мужчина в форме спасательной службы.

— Николай Петрович?

— Он самый.

— Мы по поводу эвакуации.

— Уже догадался.

Женщина открыла планшет.

— Согласно распоряжению региональной комиссии, ваш дом находится в зоне обязательного отселения. В ближайшие дни территория будет полностью закрыта. В связи с угрозой дальнейшего разрушения грунта нахождение людей здесь категорически запрещено.

— Ясно.

— Вам необходимо собрать личные вещи. Транспорт предоставлен.

— Спасибо.

— Вы готовы?

— Нет.

Женщина подняла глаза.

— Простите?

— Говорю, не готов.

Мужчина в форме вздохнул.

— Николай Петрович, давайте без этого. Мы уже третий день людей вывозим. Не надо создавать дополнительные проблемы.

— Я никому проблем не создаю. Сижу дома.

— Здесь опасно.

— Я старый. Мне много чего опасно.

Молодая сотрудница попыталась улыбнуться.

— У вас есть родственники?

— Дочь в Воронеже. Сын в Москве.

— Они знают о ситуации?

— Конечно.

— И что говорят?

— Чтобы уезжал.

— Вот видите.

— Они мне уже двадцать лет говорят, чтобы я уезжал. До этого говорили, чтобы женился. Я никого не послушал, а потом всё равно женился. Так что статистика у нас не в вашу пользу.

Мужчина в форме отвернулся, скрывая улыбку.

Женщина перестала улыбаться.

— Мы вернёмся завтра.

— Возвращайтесь. Только картошку не трогайте. Она на ужин.

2. Дом

На следующий день Николай Петрович проснулся в половине шестого.

Как обычно.

Встал, умылся, надел тапочки и вышел во двор.

Воздух был холодным. На траве лежала роса. За огородами виднелась старая водонапорная башня, которую собирались снести ещё в девяносто восьмом году, но так и не добрались.

Николай Петрович прошёл к сараю, достал ведро и набрал воды.

Яблоня нуждалась в поливе.

Он знал, что поливать её бессмысленно. Через неделю здесь никого не будет. Через месяц, возможно, не будет и самого двора.

Но привычка оказалась сильнее здравого смысла.

— Ну что, старая, — сказал он дереву. — Последний сезон?

Яблоня молчала.

Они давно привыкли друг к другу.

После завтрака Николай Петрович открыл шкаф и достал большую картонную коробку.

В ней лежали фотографии.

Он редко их пересматривал. Не потому, что не любил вспоминать. Просто некоторые воспоминания со временем становятся похожими на старую мебель: вроде бы жалко выбросить, но и пользоваться уже невозможно.

На одной фотографии он стоял возле кинотеатра с женой.

Лидия была в светлом платье, с короткой стрижкой и таким выражением лица, будто весь мир был обязан ей немедленно что-нибудь объяснить.

Она всегда была такой.

На другой фотографии их дети сидели за праздничным столом. Старший, Андрей, держал в руках игрушечную машинку. Младшая, Светлана, показывала язык фотографу.

Обычная семья.

Обычная жизнь.

Ничего особенного.

Николай Петрович задержал взгляд на последней фотографии.

На ней была маленькая девочка лет шести.

Светлые волосы, огромный бант, смешные колготки с цветочками.

Девочка стояла возле крыльца и держала в руках деревянную лошадку.

На обороте было написано:

«Марина. Август 1974 года».

Николай Петрович провёл пальцем по надписи.

Потом положил фотографию обратно.

В коробке больше ничего не было.

В полдень приехала дочь.

Светлана вышла из машины, даже не закрыв дверь, и направилась к дому.

— Пап!

Николай Петрович сидел на крыльце и чинил табуретку.

— Привет.

— Ты что творишь?

— Табуретку.

— Пап, я серьёзно!

— Я тоже.

Она бросила сумку на ступеньку.

— Ты почему не уехал?

— Не захотел.

— Ты понимаешь, что здесь скоро будет опасно?

— Понимаю.

— Там уже трещины на дороге! В соседнем районе дома пошли под землю!

— У нас пока стоят.

— Папа!

Он положил молоток.

— Света, ты чего кричишь?

Дочь присела рядом.

Ей было пятьдесят четыре. Она давно перестала быть маленькой девочкой, хотя для отца это обстоятельство оставалось спорным.

— Я приехала тебя забрать.

— Спасибо.

— Машина заправлена. Вещи соберём за час.

— У меня нет вещей.

— Что?

— Всё, что мне нужно, здесь.

Светлана посмотрела на отца.

— Мамы нет уже двенадцать лет. Ты всё ещё живёшь так, будто она сейчас выйдет из кухни.

— Иногда выходит.

— Пап...

— Я не о том.

Она замолчала.

Николай Петрович отложил табуретку.

— Света, послушай. Я знаю, что ты переживаешь. Знаю, что Андрей тоже переживает. Я вас обоих люблю. Но не надо делать вид, будто вы приехали сюда ради меня.

— А ради кого?

— Ради себя. Чтобы потом не мучиться, что бросили старика.

Светлана отвернулась.

Попал.

— Ты несправедлив.

— Наверное.

— Мы хотим, чтобы ты жил!

— Я тоже.

— Тогда поехали.

Николай Петрович посмотрел на яблоню.

— Не могу.

— Почему?

Он долго молчал.

— Есть кое-что, что я должен закончить.

— Что именно?

— Пока не могу сказать.

Светлана поднялась.

— Ты меня пугаешь.

— Не надо. Ничего страшного.

— Папа, я не уеду без тебя.

— Уедешь.

— Нет.

— Света, ты взрослая женщина. У тебя муж, дети, работа. Ты не можешь бросить всё из-за моего упрямства.

— А ты можешь?

Он посмотрел на неё.

— Я уже давно всё бросил.

Она не поняла, что он имел в виду.

И Николай Петрович не стал объяснять.

3. Люди уезжают

Следующие два дня Бережки опустели почти полностью.

На дверях домов появлялись листы бумаги с номерами. Сотрудники администрации обходили улицы, отмечая оставленные помещения.

Некоторые жители уезжали спокойно. Другие ругались, требовали компенсаций, обвиняли чиновников в том, что те всё знали заранее.

Одна женщина вынесла на улицу старый телевизор и пыталась продать его за тысячу рублей.

Покупателей не нашлось.

В конце концов телевизор забрали спасатели.

На остановке сидел мальчик лет десяти и держал на коленях клетку с попугаем.

— Дядь Коль, — окликнул он Николая Петровича, когда тот проходил мимо. — А вы тоже уезжаете?

— Пока нет.

— А почему?

— Дела.

Мальчик кивнул.

— Мама говорит, что тут больше жить нельзя.

— Мама права.

— А вы чего тогда?

Николай Петрович задумался.

— У меня дела постарше, чем у твоей мамы.

Мальчик засмеялся.

В клетке попугай сказал:

— Дурак!

— Вот видишь, — сказал Николай Петрович. — Даже птица со мной не согласна.

Мальчик снова засмеялся.

Потом подошёл автобус, и они уехали.

Николай Петрович долго стоял возле остановки.

Ему вспомнилось, как когда-то здесь стоял его собственный сын.

Только вместо попугая у того была красная пластмассовая лопатка.

А вместо автобуса — старый «ПАЗик», который ходил до районного центра.

Время, подумал он, удивительная штука.

Сначала ты ждёшь автобус, чтобы уехать из родного города.

Потом ждёшь, чтобы вернуться.

А в конце концов остаёшься один и понимаешь, что автобус уже не для тебя.

Вечером он достал из кладовки старый чемодан.

Поставил на кровать.

Открыл.

Потом сел рядом и долго смотрел внутрь.

Вещи можно было собрать быстро.

Пара рубашек, брюки, документы, лекарства, фотографии.

Всё остальное не имело значения.

Он даже знал, что возьмёт с собой в первую очередь.

Но чемодан оставался пустым.

Вместо сборов Николай Петрович достал из шкафа маленькую деревянную коробку.

Открыл.

Внутри лежали детские рисунки.

Домик с красной крышей.

Солнце с длинными лучами.

Две фигурки возле забора.

И несколько листов, исписанных неровным детским почерком.

Он разложил их на кровати.

На одном было написано:

«ДЕДА КОЛЯ, Я ПРИЕДУ К ТЕБЕ КОГДА ВЫРАСТУ».

Николай Петрович улыбнулся.

— Ну вот, — тихо сказал он. — Я и жду.

4. Тайна

На третий день приехал Андрей.

Сын был старше Светланы на четыре года. Высокий, седой, в дорогой куртке и с лицом человека, который привык решать вопросы по телефону.

Он вошёл в дом, снял обувь и сразу направился на кухню.

— Где отец?

— Во дворе, — ответила Светлана.

— Опять?

— Опять.

Андрей вышел на крыльцо.

Николай Петрович сидел возле сарая и перебирал старые доски.

— Пап.

— Здравствуй.

— Ты совсем с ума сошёл?

— Семейное у нас сегодня собрание?

Андрей не улыбнулся.

— Я разговаривал с администрацией. Они говорят, что ты отказался от эвакуации.

— Правильно говорят.

— Ты понимаешь, что здесь нельзя оставаться?

— Андрей, мы это уже обсуждали.

— Нет, пап. Мы не обсуждали. Ты просто отказываешься слушать.

Николай Петрович поднялся.

— Я тебя слушаю.

— Тогда объясни мне, что происходит.

Старик посмотрел на сына.

— Ты помнишь Марину?

Андрей нахмурился.

— Какую Марину?

— Марину Сергеевну.

Сын долго молчал.

— Помню.

— Хорошая девочка была.

— Да.

— Ты с ней дружил.

— Мне было девять лет.

— А ей шесть.

— Пап, к чему ты?

Николай Петрович подошёл к сараю и открыл дверь.

Внутри стояли старые инструменты, банки с гвоздями, велосипед без переднего колеса и деревянная скамейка.

В углу, под старым одеялом, находилась небольшая коробка.

Он достал её.

— Посмотри.

Андрей открыл крышку.

Там лежали фотографии, рисунки, детская куртка и несколько тетрадных листов.

Сын осторожно достал фотографию.

— Это же...

— Да.

— Откуда у тебя?

Николай Петрович сел на скамейку.

— Потому что она здесь жила.

Андрей посмотрел на отца.

— Я помню, что она жила у нас. Недолго. Но почему ты всё это хранишь?

— Потому что больше некому.

— Пап...

— Ты ведь помнишь, что случилось в семьдесят шестом?

Андрей опустил глаза.

Конечно, помнил.

В июле 1976 года в Бережках произошёл большой пожар.

Горел старый деревянный корпус детского дома, расположенный на окраине посёлка. Пожарные приехали быстро, но огонь уже успел охватить второй этаж.

Погибли трое детей и воспитательница.

Среди погибших числилась шестилетняя Марина.

Тогда об этом писали районные газеты.

Николай Петрович работал водителем пожарной машины.

Он был одним из тех, кто первым вошёл в горящее здание.

Но спасти Марину не удалось.

— Я не понимаю, — сказал Андрей. — Ты хочешь сказать...

— Она не погибла.

Сын поднял голову.

— Что?

— Марина. Она не погибла.

Андрей молчал.

Николай Петрович достал из коробки фотографию.

— В тот день я нашёл её за котельной. Она выбежала через заднюю дверь. Обожгла руку, испугалась, спряталась в старом сарае. Я нашёл её уже после того, как всех вывели.

— Но почему...

— Потому что её мать умерла за несколько месяцев до пожара. Отец сидел. Родственников не было. Детский дом собирались закрывать. Девочку должны были отправить в другой район.

Николай Петрович помолчал.

— Я тогда уже знал Лидию. Мы собирались пожениться. Детей у нас ещё не было. Я привёл Марину домой.

— И?

— А потом мы её удочерили.

Андрей медленно опустился на скамейку.

Он смотрел на фотографию, словно пытался увидеть на ней что-то новое.

— Подожди. Ты хочешь сказать, что у нас была ещё одна сестра?

— Да.

— Но я никогда...

— Тебе было девять лет. Ты всё помнишь.

— Я помню девочку! — Андрей повысил голос. — Помню, что она жила у нас! Но потом мама сказала, что её забрали родственники!

Николай Петрович кивнул.

— Так и было сказано.

— Кто?

— Мы с мамой.

— Зачем?

Старик посмотрел на сына.

— Потому что через два года она умерла.

В саду тихо шуршали листья.

Андрей положил фотографию на колени.

— Как умерла?

— В аварии.

— Где?

— На трассе. Ей было восемь.

Сын закрыл глаза.

Он помнил тот год.

Помнил, как мать долго не выходила из комнаты. Помнил, что отец почти перестал разговаривать. Помнил, что в доме какое-то время стояла тишина, которую никто не решался нарушить.

Но о Марине никто больше не говорил.

— Почему ты мне не сказал?

— Потому что ты был ребёнком.

— Потом я вырос!

— Потом уехал.

— И что?

Николай Петрович тяжело вздохнул.

— А потом прошло пять лет. Десять. Двадцать. И я понял, что не знаю, как об этом говорить.

Андрей посмотрел на отца.

— Ты поэтому не хочешь уезжать?

Старик покачал головой.

— Нет.

— Тогда почему?

Николай Петрович долго молчал.

Потом достал из кармана сложенный лист бумаги.

На нём был адрес.

— Марина перед смертью оставила кое-что.

— Что?

— Записку.

Он протянул её сыну.

Почерк был детский, неровный.

«ДЕДА КОЛЯ, КОГДА Я ВЫРАСТУ, Я НАЙДУ ТЕБЯ И ПРИЕДУ В ГОСТИ. ТОЛЬКО НЕ ПРОДАВАЙ ДОМ».

Андрей перечитал записку несколько раз.

— Она написала это перед аварией?

— За неделю.

— И ты...

— Я обещал ей, что не продам.

Сын опустил лист.

— Папа...

— Я знаю, что звучит глупо.

— Нет.

— Я знаю, что она не вернётся. И дом ей уже не нужен. Но обещания, Андрей, они странные. Иногда человек даёт их ребёнку, а потом всю оставшуюся жизнь не знает, как от них освободиться.

Андрей ничего не ответил.

Через час он позвонил сестре.

Они сидели на кухне втроём.

Светлана слушала молча.

Потом заплакала.

— Я её помню, — сказала она. — Я же помню Марину.

— Конечно, — ответил отец.

— Почему мы никогда о ней не говорили?

— Потому что было больно.

— Нам всем было больно, папа.

Николай Петрович кивнул.

— Да.

Светлана взяла фотографию.

На ней девочка стояла возле крыльца, придерживая деревянную лошадку.

— А я думала, у меня только один брат, — прошептала она. — Оказывается, у меня была ещё и сестра.

Николай Петрович отвернулся к окну.

Он не хотел, чтобы дети видели его лицо.

5. Последний вечер

На следующий день в Бережках оставалось двадцать три человека.

Почти все они жили в двух последних улицах.

Сотрудники эвакуации приехали к Николаю Петровичу утром.

На этот раз с ними был начальник районной службы.

Мужчина лет сорока пяти, уставший, с красными глазами.

— Николай Петрович, — сказал он. — Я понимаю вашу ситуацию. Но сегодня мы обязаны вывезти всех.

— Я знаю.

— Ваша дочь сказала, что вы согласились.

— Не соглашался.

Светлана стояла возле машины.

— Папа, пожалуйста.

Старик посмотрел на неё.

— Света, я поеду.

Дочь не поверила.

— Правда?

— Да.

— Когда?

— Сейчас.

Он вошёл в дом.

Взял фотографию Марины, сложил детские рисунки, убрал в сумку документы и лекарства.

Потом прошёл на кухню.

Выключил газ.

Закрыл кран.

Проверил окна.

Всё было готово.

Оставалось только выйти.

Но возле двери он остановился.

— Подождите меня.

Он вышел во двор.

Подошёл к яблоне.

Долго стоял, рассматривая её.

Потом наклонился и поднял с земли упавшее яблоко.

Положил в карман.

— Пойдём, старая, — сказал он тихо.

Разумеется, яблоня никуда не пошла.

Он вернулся в дом.

Автобус тронулся в три часа дня.

За окном медленно проплывали пустые улицы.

Магазин.

Почта.

Школа.

Остановка.

Дом Виктора Семёновича.

Старик смотрел на всё это без слёз.

Он думал о том, что человек удивительно быстро привыкает к месту. Иногда ему достаточно нескольких лет, чтобы чужая улица стала родной. А потом проходят десятилетия, и он уже не может объяснить, почему ему так трудно от неё отказаться.

Светлана сидела рядом.

Андрей ехал следом на своей машине.

Когда автобус проезжал мимо старого детского дома, Николай Петрович попросил остановиться.

— Что случилось? — спросил водитель.

— На минуту.

— Мы не можем.

— Пожалуйста.

Водитель посмотрел на сопровождающего.

Тот кивнул.

Автобус остановился.

Николай Петрович вышел.

Здание детского дома давно было заброшено. Оконные проёмы заколотили фанерой. Крыша провалилась с одного края. На стене ещё виднелись следы старой вывески.

Старик подошёл к крыльцу.

Присел.

Положил на ступеньку маленькую деревянную лошадку.

Светлана стояла за его спиной.

— Папа...

— Это её любимая игрушка.

— Ты всё это время хранил её?

— Да.

— Почему именно здесь?

Николай Петрович поднялся.

— Потому что здесь она впервые назвала меня папой.

Он повернулся к автобусу.

— Всё. Поехали.

До пункта временного размещения добрались к вечеру.

Там было шумно, душно и пахло столовой.

Люди разговаривали, дети плакали, кто-то пытался зарядить телефон, кто-то выяснял, когда привезут горячую воду.

Николай Петрович получил койку возле окна.

Светлана принесла ему чай.

— Ну как?

— Нормально.

— Удобно?

— Кровать хорошая.

— Еда?

— Картошка хуже моей.

Дочь улыбнулась.

Впервые за несколько дней.

— Я завтра приеду.

— Не надо.

— Почему?

— У тебя своя жизнь.

— А у тебя?

Николай Петрович посмотрел в окно.

— У меня тоже.

Светлана села рядом.

— Пап, а ты правда больше не собираешься туда возвращаться?

Он долго молчал.

— Не знаю.

— Там же всё разрушится.

— Знаю.

— И дом, и яблоня...

— Яблоня ещё поживёт.

Он достал из кармана яблоко.

Оно было маленьким, немного помятым.

— Вот, — сказал он. — Последнее с нашей яблони.

Светлана взяла его.

— Ты хочешь, чтобы я посадила косточку?

— Нет. Просто съешь.

— Пап...

— Съешь, Света. Не надо из каждого яблока делать семейную реликвию.

Она рассмеялась сквозь слёзы.

6. Через год

Николай Петрович прожил в эвакуационном посёлке одиннадцать месяцев.

Сначала ему было трудно.

Он путал корпуса, не привык к соседям, жаловался на телевизор в общей комнате и никак не мог смириться с тем, что завтрак подают в одно и то же время.

Но постепенно освоился.

Познакомился с бывшим учителем физики, который играл в шахматы, и с женщиной из соседнего района, которая умела печь удивительно вкусные пироги.

Иногда он звонил детям.

Светлана приезжала по выходным.

Андрей звонил реже, но разговаривал дольше.

Они впервые за много лет начали обсуждать Марину.

Вспоминали, как она смеялась, как прятала конфеты под подушкой, как однажды вылила отцу на голову стакан воды, потому что тот не хотел играть с ней в куклы.

Оказалось, что каждый помнил что-то своё.

И каждый всё это время хранил девочку в отдельном уголке памяти.

Весной Николай Петрович заболел.

Сначала не придал значения кашлю, потом перестал выходить на прогулки.

Врач говорил, что ничего критического нет, но старик понимал лучше него.

Однажды утром он попросил Светлану привезти ему бумагу и ручку.

— Зачем?

— Письмо напишу.

— Кому?

— Марине.

Дочь не стала спрашивать.

Он писал почти два часа.

Потом сложил лист, убрал в конверт и попросил положить в коробку с фотографиями.

Вечером ему стало хуже.

Ночью он умер.

Тихо, во сне.

На похороны приехали дети, внуки и несколько новых знакомых из эвакуационного посёлка.

Виктор Семёнович, тот самый сосед, который когда-то кричал через улицу, тоже пришёл.

Он долго стоял возле гроба, а потом сказал Андрею:

— Хороший был человек твой отец.

Андрей кивнул.

— Да.

— Упрямый только.

— Это у нас семейное.

Виктор усмехнулся.

Через три месяца Светлана получила письмо из районной администрации.

Ей предлагали приехать и забрать личные вещи из дома отца.

Территория Бережков была признана непригодной для проживания. Несколько домов уже разрушились. Участки дороги провалились. Старый магазин исчез под землёй вместе с частью площади.

Дом Николая Петровича пока стоял.

Светлана приехала туда вместе с Андреем.

Они долго не решались войти.

Внутри пахло сыростью.

На кухне всё оставалось почти так же, как в последний день. На столе стояла чашка, в шкафу лежали тарелки, на подоконнике высох маленький горшок с геранью.

Андрей прошёл в комнату.

— Смотри.

На стене висела фотография.

Та самая.

Марина возле крыльца.

Светлана сняла её.

За фотографией обнаружился конверт.

На нём было написано:

«Детям».

Они открыли его.

Внутри лежал последний лист, исписанный знакомым почерком.

Светлана читала вслух.

«Света и Андрей.

Я долго думал, стоит ли вам рассказывать всё это. Наверное, надо было сделать раньше.

Когда Марина умерла, мы с мамой решили, что лучше будет не вспоминать о ней. Думали, так вам будет легче. Думали, что дети быстро забывают.

Мы ошиблись.

Я не хотел уезжать из Бережков не потому, что боялся потерять дом. Дом — это доски, кирпичи и крыша. Всё это можно построить заново.

Я не хотел уезжать, потому что боялся, что однажды мы окончательно перестанем говорить о Марине.

Понимаете, когда умирает человек, сначала его помнят все. Потом только близкие. Потом остаются фотографии. А потом и фотографии перестают кому-то что-то говорить.

Я боялся именно этого.

Мне казалось, что если я останусь в доме, где она жила, то она ещё немного побудет с нами.

Но теперь понимаю, что ошибался.

Марина была не в доме.

Она была в нас.

А мы всё это время молчали.

Простите меня.

Папа».

Светлана дочитала письмо и заплакала.

Андрей стоял у окна.

За ним виднелся старый двор.

Яблоня почти высохла. Одна из крупных ветвей лежала на земле. Забор покосился, а калитка висела на одной петле.

Но на верхней ветке, среди сухих листьев, висело маленькое яблоко.

Оно каким-то чудом пережило осень.

— Знаешь, — сказал Андрей, — я ведь помню, как она называла меня Андрюшей.

— А я помню, как она пряталась у меня под одеялом.

Они стояли молча.

Потом Светлана аккуратно сложила письмо.

— Надо забрать всё.

— Да.

— И фотографии.

— Конечно.

Андрей посмотрел на дом.

— Папа всё-таки уехал.

Светлана покачала головой.

— Нет. Он просто наконец понял, что может.

Через несколько недель дом Николая Петровича обрушился.

Сначала просела веранда, затем крыша, а после сильного дождя рухнула одна из стен.

В Бережках больше никто не жил.

Место постепенно исчезало с карт.

Сначала убрали автобусный маршрут. Потом закрыли почтовое отделение. Через год в навигаторах перестало отображаться название посёлка.

Но у Светланы дома на полке стояла небольшая деревянная лошадка.

А рядом лежали две фотографии.

На одной — девочка возле крыльца.

На другой — старик с молодой женщиной, стоящие возле яблони.

Иногда Светлана рассказывала своим внукам о Бережках.

О том, каким был город, где жил их дед.

И обязательно рассказывала о Марине.

Однажды младший внук спросил:

— Бабушка, а почему дедушка не хотел уезжать?

Светлана подумала.

— Потому что очень любил свой дом.

— А почему тогда уехал?

Она улыбнулась.

— Потому что понял, что дом — это не всегда место, где ты живёшь.

Мальчик посмотрел на деревянную лошадку.

— А где тогда?

Светлана взяла фотографию.

— Там, где тебя помнят.

За окном начинался дождь.

Обычный весенний дождь, каких Николай Петрович видел тысячи.

И где-то далеко, на месте исчезнувшего посёлка, под мокрой землёй лежали кирпичи старого дома, остатки забора и корни яблони.

Возможно, следующей весной там ещё появятся цветы.

А может быть, уже нет.

Но две семьи, два поколения детей и несколько человек, которые когда-то жили в маленьком городке Бережки, теперь знали одну простую вещь.

Марина была.

Она смеялась, играла, обижалась, прятала конфеты и называла Николая Петровича папой.

И пока об этом помнили, она никуда не исчезала.

Последняя смена

1. Электричество

Каждый вечер в семь часов Иван Матвеевич включал свет.

Сначала загоралось несколько ламп в машинном зале, потом оживали приборы на щите управления, и наконец где-то глубоко под землёй начинали гудеть старые трансформаторы.

Электростанция просыпалась.

Она была небольшая, построенная ещё в шестидесятых годах прошлого века. Когда-то отсюда получали электричество три районных посёлка, молочная ферма, кирпичный завод и железнодорожная станция. Теперь всё это давно исчезло.

Посёлки эвакуировали после того, как люди начали пропадать.

Не умирать. Именно пропадать.

Сначала исчезали отдельные жители. Потом целые семьи. Однажды утром в соседнем городе не осталось никого, кроме собаки, привязанной возле магазина. Через неделю перестали отвечать радиостанции. Ещё через месяц спутники перестали передавать изображения населённых районов.

Последнее сообщение, полученное Иваном Матвеевичем, было коротким:

«Оставаться на объекте запрещено. Энергоснабжение отключить. Персоналу немедленно покинуть территорию».

Он тогда прочитал сообщение, снял очки и спросил у диспетчера:

— А смену кто закрывать будет?

Диспетчер не ответил.

Через два дня исчез и он.

Иван Матвеевич остался один.

С тех пор прошло четыре года.

Электростанция продолжала работать.

Каждый вечер в семь часов.

В тот день он проснулся поздно.

Впрочем, поздно — понятие относительное, если вокруг нет ни одного человека, который мог бы предъявить претензии по поводу опоздания.

На часах было без двадцати девять.

Иван Матвеевич сел на кровати, потянулся и посмотрел на фотографию, стоявшую возле будильника.

На ней были изображены женщина и мальчик лет десяти.

Женщина улыбалась, прикрывая глаза от солнца. Мальчик держал в руках воздушного змея.

— Доброе утро, — сказал Иван Матвеевич фотографии.

Потом пошёл умываться.

В столовой он разогрел банку тушёнки, сварил гречку и заварил чай. За едой слушал старое радио.

Тишина.

Он переключил частоту.

Треск.

Ещё одна частота.

Треск.

— Ну и ладно, — произнёс он. — Не больно-то хотелось.

После завтрака Иван Матвеевич проверил давление масла, уровень охлаждающей жидкости и состояние аккумуляторной группы.

Работа была привычной.

Настолько привычной, что он иногда ловил себя на мысли: если бы в помещение сейчас вошёл начальник смены, он бы даже не удивился.

Наверное, сказал бы:

«Матвеич, опять ты тут всё сам сделал?»

Иван Матвеевич улыбнулся.

Начальника смены звали Сергей Палыч.

Он исчез четыре года назад вместе с остальными.

Впрочем, Сергей Палыч никогда не отличался пунктуальностью.

В половине первого Иван Матвеевич вышел на улицу.

Небо было серым. Над лесом висели низкие облака. За ограждением электростанции начиналось поле, заросшее высокой травой.

Когда-то по нему проходила дорога.

Теперь асфальт растрескался, а между плитами выросли молодые берёзы.

На столбе возле проходной всё ещё висела табличка:

«ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН».

Иван Матвеевич посмотрел на неё.

— Очень актуально, — сказал он.

Потом достал из кармана сигареты.

Он бросил курить ещё двадцать лет назад, но после исчезновения людей иногда позволял себе одну сигарету в день.

Не столько ради никотина, сколько ради ощущения, что в мире всё ещё существуют вещи, которые можно делать просто так.

Покурил, затушил окурок и пошёл обратно.

В семь часов предстояло запускать турбину.

Как всегда.

2. Неполадки

В тот вечер станция запустилась не сразу.

Сначала мигнуло освещение. Потом сработала защита на втором трансформаторе.

Иван Матвеевич нахмурился.

— Ну вот. Началось.

Он снял со стены фонарь, взял ключи и спустился в нижнее помещение.

Там было холодно.

Пахло машинным маслом, пылью и старым железом.

Он осмотрел оборудование, проверил соединения и обнаружил, что один из контактов нагрелся сильнее допустимого.

Ничего критического.

Через двадцать минут всё снова работало.

На пульте загорелись зелёные индикаторы.

Иван Матвеевич вернулся в диспетчерскую, снял перчатки и налил себе чаю из термоса.

И тут услышал звук.

Три коротких сигнала.

Потом пауза.

Ещё три.

Он медленно поставил кружку.

На панели связи загорелась лампочка.

Старая аварийная линия.

Иван Матвеевич не пользовался ею четыре года.

Он подошёл к аппарату.

— Электростанция номер четыре. Дежурный оператор.
В ответ послышалось шипение.
Потом чей-то голос.
— Алло...
Иван Матвеевич замер.
— Повторите.
— Алло... Вы меня слышите?
Голос был женский.
Молодой.
Живой.
— Слышу. Кто говорит?
— Меня зовут Аня. Вы кто?
Старик осторожно опустился на стул.
— Иван Матвеевич. Дежурный оператор.
— Вы там один?
— Да.
— Давно?
— Четыре года.
На том конце линии наступила тишина.
— Вы шутите?
— Нет.
— А люди?
— Не знаю, девочка. Последние четыре года я людей не видел.
Послышался какой-то шум.
Будто женщина прикрыла микрофон рукой и кому-то что-то сказала.
Потом снова заговорила:
— Вы можете помочь?
Иван Матвеевич посмотрел на часы.
Без пяти восемь.
— Постараюсь.
— Нам нужен свет.
Старик медленно поднял голову.
— Где вы?
— В больнице.
— В какой?
— В старой районной больнице. За рекой.
Он знал это место.
До него было около двадцати километров.
— Сколько вас?
— Двое.
— Вы и кто?
— Мой сын.
Иван Матвеевич закрыл глаза.
Четыре года он ждал этого голоса.
Не именно этого. Любого.
— Сколько ему лет?
— Девять.
Старик посмотрел на фотографию возле будильника.
На мальчика с воздушным змеем.

— Понятно, — сказал он.

— Что?

— Ничего. Слушайте меня внимательно. У вас есть генератор?

— Был. Он сломался.

— Топливо?

— Немного.

— Тогда не включайте его. Поняли?

— Да.

— Я попробую подать электричество на вашу линию.

— Это возможно?

— Если проводка не сгнила, возможно.

— Спасибо.

Женщина заплакала.

Иван Матвеевич не стал ничего говорить.

Он знал, что иногда человеку нужно просто поплакать, чтобы потом снова начать разговаривать.

— Как вас зовут, говорите?

— Анна.

— Хорошо, Анна. Держитесь. Я сейчас посмотрю схему.

Он положил трубку.

Потом посмотрел на фотографию.

— Ну вот, Серёжа, — тихо произнёс он. — Не зря я тут сижу.

3. Двадцать километров

На следующее утро Иван Матвеевич собрал рюкзак.

Положил туда инструменты, запасные предохранители, фонарь, аптечку, две банки тушёнки, сухари и бутылку воды.

Потом достал из шкафа старую карту района.

Больница находилась на другом берегу реки, в посёлке Лесном.

Дорога туда раньше занимала двадцать пять минут на машине.

Теперь придётся идти пешком.

Он посмотрел на свои ботинки.

Потом на ноги.

— Ну, товарищи, — сказал он. — Подведёте — обижусь.

Перед выходом он ещё раз проверил электростанцию.

Всё работало.

На щите управления горела зелёная лампочка.

Иван Матвеевич задержал на ней взгляд.

— Не балуйся тут без меня.

Закрыл дверь и пошёл.

Дорога оказалась хуже, чем он ожидал.

На некоторых участках асфальт провалился. Мост через небольшой ручей был разрушен. Пришлось обходить через лес.

Дважды он останавливался, чтобы передохнуть.

Один раз увидел лису.

Она стояла посреди дороги и смотрела на него.

— Чего уставилась? — спросил Иван Матвеевич.

Лиса не ответила.

— Понятно. Тоже молчунья.

Она спокойно ушла в кусты.

К полудню он добрался до реки.

Мост ещё держался, хотя металлические конструкции проржавели, а часть перил отсутствовала.

Иван Матвеевич переходил медленно, держась за оставшиеся опоры.

На середине остановился.

Внизу текла вода.

Чистая, почти прозрачная.

Он вдруг вспомнил, как много лет назад они с женой приезжали сюда на рыбалку.

Сергей тогда был маленьким.

Он поймал первую рыбу, но испугался, когда та начала дёргаться, и выпустил её обратно.

Потом долго рассказывал всем, что поймал огромного сома.

Иван Матвеевич улыбнулся.

— Врёт, как отец, — пробормотал он.

На другом берегу он достал из кармана телефон.

Сети не было.

Разумеется.

Но он всё равно посмотрел на экран.

На заставке была фотография мальчика.

Того самого.

Сергей Иванович, младший.

Его сын.

Иван Матвеевич убрал телефон.

И пошёл дальше.

Больница стояла на окраине посёлка.

Двухэтажное здание с выбитыми окнами и облупившейся штукатуркой.

Когда-то здесь работали почти сто человек.

Теперь на входной двери висела табличка:

«ОСТОРОЖНО. АВАРИЙНОЕ СОСТОЯНИЕ».

Иван Матвеевич постучал.

Тишина.

Постучал ещё раз.

— Анна!

Внутри что-то зашевелилось.

Дверь медленно открылась.

На пороге стояла женщина лет тридцати пяти.

Худая, с тёмными кругами под глазами, в старом свитере.

За её спиной выглядывал мальчик.

— Вы Иван Матвеевич?

— Он самый.

Женщина закрыла рот ладонью.

— Господи...

— Не надо, — сказал старик. — Я пока живой.

Она засмеялась и заплакала одновременно.

Мальчик смотрел на него настороженно.

— А вы электрик?

— Оператор.

— Это кто?

— Человек, который включает свет.

Мальчик задумался.

— А выключает тоже?

— Тоже. Но это занятие мне нравится меньше.

Мальчик улыбнулся.

Анна провела старика внутрь.

В больнице было холодно.

Они жили в бывшем процедурном кабинете. В углу стоял небольшой обогреватель, рядом лежали одеяла и коробки с консервами.

— Мы здесь уже три месяца, — сказала Анна.

— Откуда пришли?

— Из города. Там начались пожары. Люди уезжали, потом перестали приезжать машины. Мы шли сюда пешком.

— А остальные?

— Не знаю.

Она помолчала.

— Сначала нас было шестеро.

Иван Матвеевич не стал спрашивать.

Он уже научился понимать, когда вопрос может причинить человеку больше боли, чем ответ.

4. Сын

Пока Анна готовила чай, мальчик подошёл к Ивану Матвеевичу.

— А у вас есть дети?

Старик посмотрел на него.

— Был сын.

— А где он?

— Давно не видел.

— Умер?

Иван Матвеевич помолчал.

— Не знаю.

Мальчик кивнул.

— Мой папа тоже пропал.

Анна, стоявшая возле стола, отвернулась.

— Его звали Серёжа, — продолжил мальчик. — Он работал на большой станции. Мама говорит, что он был хорошим человеком.

Иван Матвеевич медленно поднял голову.

— Как звали твоего папу?

— Сергей Иванович.

В комнате стало тихо.

— А фамилия?

Мальчик назвал фамилию.

Старик почувствовал, как у него похолодели руки.

Он знал эту фамилию.

Он слышал её тысячи раз.

На документах.

В письмах.

В школьных характеристиках.

В телефонных сообщениях.

Сергей Иванович был его сыном.

Иван Матвеевич посмотрел на мальчика.

— А тебя как зовут?

— Иван.

Старик не сразу смог ответить.

— В честь кого?

— Дедушки.

Анна поставила чайник на стол.

— Я хотела вам сказать, но не знала, как. Сергей рассказывал мне о вас. Он говорил, что вы работаете на электростанции.

Иван Матвеевич опустил голову.

— А он где?

Анна долго молчала.

— Три года назад ушёл за лекарствами. Сказал, что вернётся через день. Больше я его не видела.

— Где это было?

— В городе.

Старик кивнул.

Он не стал задавать других вопросов.

Потому что боялся услышать ответ.

Вечером они сидели втроём возле маленькой керосиновой лампы.

Иван Матвеевич рассказывал мальчику о своей работе.

О турбинах, трансформаторах, высоковольтных линиях.

Мальчик слушал внимательно.

— А правда, что электричество может идти по проводам на много километров?

— Правда.

— А если проводов нет?

— Тогда никак.

— А можно сделать?

— Можно.

— А я смогу?

Иван Матвеевич посмотрел на него.

— Если захочешь.

Мальчик задумался.

— Я хочу.

Старик улыбнулся.

— Тогда завтра начнём.

Анна принесла ещё чаю.

— Вы останетесь?

Иван Матвеевич посмотрел на неё.

— Нет. Мне нужно вернуться.

— Зачем?

Он не ответил сразу.

Потом достал из кармана фотографию.

На ней был его сын.

Молодой, улыбающийся, с мальчиком на руках.

Анна взяла снимок.

— Это Сергей?

— Да.

Она долго смотрела.

Потом тихо сказала:

— Он очень любил вас.

Иван Матвеевич отвёл глаза.
— Знаю.
Но на самом деле не знал.
И теперь ему хотелось бы спросить у сына тысячу вещей.
Почему не приехал?
Почему не позвонил?
Почему оставил мать?
Почему не вернулся?
И самое главное — почему он сам столько лет не искал его?
Но ответов уже не было.
Оставался только маленький мальчик, который хотел научиться включать свет.
5. Последняя смена
На обратную дорогу ушёл почти весь следующий день.
Иван Матвеевич несколько раз останавливался.
Ноги болели, плечо ныло, а старый рюкзак натирал спину.
Но он шёл.
В голове постоянно звучал голос мальчика:
«А я смогу?»
«Если захочешь».
Он вдруг понял, что давно не говорил этих слов.
Последние четыре года ему казалось, что всё закончилось.
Что больше нет ни учеников, ни коллег, ни людей, которым можно передать свои знания.
Он просто выполнял работу.
Проверял оборудование, запускал турбину, снимал показания.
Каждый день был похож на предыдущий.
Но теперь всё изменилось.
Впервые за четыре года его работа кому-то была нужна.
На электростанцию он вернулся к вечеру.
Снял рюкзак, умылся и сразу направился в диспетчерскую.
На пульте управления горела красная лампочка.
Старик нахмурился.
— Только не говори, что ты тоже соскучился.
Он проверил систему.
Оказалось, что из-за скачка напряжения отключилась одна из линий.
Ничего страшного.
Через сорок минут оборудование снова работало.
Иван Матвеевич включил связь.
— Больница, приём.
Сначала ничего.
Потом раздался голос Анны.
— Слышу вас!
— Это Иван Матвеевич. Как дела?
— Всё хорошо!
— Электричество подали. Проверьте освещение.
Послышался шум.
Потом голос мальчика:
— Мама! Мама! Смотри!
Иван Матвеевич улыбнулся.
Через несколько секунд Анна вернулась к аппарату.

— Свет горит. Во всех комнатах!

— Хорошо.

— Вы даже не представляете, что это для нас значит.

— Представляю.

— Спасибо вам.

— Не за что.

Он хотел положить трубку, но услышал ещё один голос.

Мальчик подошёл к аппарату.

— Иван Матвеевич!

— Да, Ваня?

— А вы завтра придёте?

Старик посмотрел на часы.

Двадцать минут седьмого.

До запуска турбины оставалось полчаса.

— Приду.

— Обещаете?

Иван Матвеевич улыбнулся.

— Обещаю.

Он положил трубку.

Потом снял со стены рабочую куртку.

На внутренней стороне кармана лежала старая фотография.

Его жена и сын.

Он аккуратно расправил её.

— Ну что, Лида, — сказал он. — Кажется, я ещё кому-то нужен.

Впервые за четыре года он почувствовал себя не последним человеком на планете, а обычным отцом.

Пусть даже чужим.

6. Учитель

Следующие несколько месяцев Иван Матвеевич каждый день ходил в больницу.

Сначала только для того, чтобы проверять линию электропередачи.

Потом начал приносить продукты, лекарства и книги.

Ваня оказался любознательным мальчиком.

Он задавал вопросы, на которые старик не всегда знал ответы.

Почему молния бьёт в землю?

Зачем нужны предохранители?

Почему лампочка светится, а провод нет?

Можно ли построить электростанцию из велосипеда?

Последний вопрос Иван Матвеевич считал особенно перспективным.

Они вместе собирали простые электрические схемы.

Разбирали старые приборы.

Чинили проводку.

Однажды мальчик принёс ему маленький радиоприёмник.

— Он не работает.

— Откуда взял?

— Нашёл в соседнем доме.

Иван Матвеевич разобрал корпус.

— Ну, посмотрим.

Они просидели над ним почти три часа.

В итоге обнаружили перегоревший элемент питания и повреждённый контакт.

Когда радио заработало, Ваня закричал так, будто они запустили космический корабль.

Из динамика послышался голос диктора.

Сначала помехи.

Потом музыка.

Старая песня, которую Иван Матвеевич помнил с молодости.

Он замер.

Анна вышла из соседней комнаты.

— Что случилось?

Старик сидел неподвижно.

По щеке медленно стекала слеза.

— Ничего, — сказал он. — Просто хорошая песня.

К весне Ваня уже умел собирать простые электрические цепи.

Иван Матвеевич решил, что пора показать ему настоящую электростанцию.

Они отправились туда вместе.

Мальчик шёл рядом и постоянно оглядывался.

— А она большая?

— Увидишь.

— А там опасно?

— Очень.

— Тогда зачем мы идём?

— Чтобы ты знал, с чем имеешь дело.

Когда они вошли в машинный зал, Ваня остановился.

Перед ним возвышались огромные агрегаты, трубы, кабели и металлические конструкции.

Всё гудело.

Всё двигалось.

Всё было живым.

— Ничего себе, — прошептал мальчик.

Иван Матвеевич улыбнулся.

— Вот теперь понимаешь, почему я не люблю, когда люди называют электричество просто светом?

Ваня кивнул.

— А что это?

Старик задумался.

— Это работа. Очень большая работа.

Он показал мальчику щит управления.

Объяснил, как следить за приборами, как читать показатели, как замечать неисправности.

Ваня слушал внимательно.

Потом спросил:

— А кто научил вас?

Иван Матвеевич посмотрел на старые приборы.

— Один очень вредный начальник смены.

— Он ещё жив?

Старик улыбнулся.

— Не знаю. Но надеюсь, что где-нибудь продолжает всех ругать.

Ваня засмеялся.

В тот вечер они вместе запустили турбину.

Иван Матвеевич стоял рядом и наблюдал, как мальчик нажимает кнопку.

На панели загорелись зелёные индикаторы.

В машинном зале появился привычный гул.

— Получилось! — закричал Ваня.

— Получилось.

— Теперь я тоже оператор?

— Пока ученик.

— А когда стану оператором?

— Когда перестанешь задавать глупые вопросы.

Ваня задумался.

— Тогда никогда.

Иван Матвеевич рассмеялся.

Он смеялся так громко, что сам удивился.

7. Свет

Прошло ещё два года.

Мир за это время не изменился.

Города оставались пустыми. Дороги разрушались. В лесах появлялись животные, которых раньше редко можно было встретить возле человеческого жилья.

Иногда по радио слышались странные сигналы.

Иногда — человеческие голоса.

Однажды Анна поймала передачу с юга.

Там говорили, что в нескольких населённых пунктах образовались небольшие общины выживших.

Никто не знал, сколько людей осталось.

Но они существовали.

И этого было достаточно.

На электростанции теперь работали двое.

Иван Матвеевич и Ваня.

Старик постепенно передавал мальчику всё, что знал.

Однажды утром Иван Матвеевич не вышел из комнаты.

Ваня постучал.

— Иван Матвеевич?

Ответа не было.

Мальчик открыл дверь.

Старик лежал на кровати.

Дышал тяжело.

Рядом на тумбочке стояла фотография.

— Вам плохо?

Иван Матвеевич открыл глаза.

— Немного.

Ваня подбежал к нему.

— Я позову маму!

— Не надо.

— Надо!

Старик попытался улыбнуться.

— Ваня, послушай.

Мальчик остановился.

— Да?

— Сегодня твоя смена.

— Но я не могу один!

— Можешь.
— А если что-нибудь сломается?
— Починишь.
— А если не получится?
— Позовёшь меня.
Ваня посмотрел на него.
— Вы же не сможете.
Иван Матвеевич помолчал.
— Тогда попробуешь сам.
Он протянул руку и взял мальчика за ладонь.
— Запомни одну вещь. Электростанция нужна не для того, чтобы горели лампочки.
— А для чего?
— Чтобы люди могли видеть друг друга.
Мальчик заплакал.
— Я не хочу, чтобы вы умирали.
— Я тоже не очень хочу. Но, видишь ли, у нас с организмом давно разногласия.
Ваня всхлипнул.
Старик улыбнулся.
— Иди. У тебя работа.
В семь часов вечера Ваня вошёл в машинный зал.
Он надел куртку Ивана Матвеевича.
Рукава оказались длинными.
На груди висел старый пропуск.
Мальчик подошёл к пульту управления.
Проверил показатели.
Повернул ключ.
Нажал кнопку запуска.
Турбина ожила не сразу.
Сначала раздался глухой удар.
Потом загудели механизмы.
На щите управления загорелись зелёные лампочки.
Ваня посмотрел на них.
И впервые за всё время не почувствовал страха.
Он включил связь.
— Больница, приём.
Через несколько секунд ответила Анна.
— Слушаю.
— Это Ваня. Станция работает.
— Молодец, сынок.
Мальчик посмотрел на лампочки.
— Сегодня я сам.
На другом конце провода послышался тихий плач.
— Я знаю, Ванечка.
Он отключил связь.
Потом достал из кармана фотографию.
На ней были изображены женщина и мальчик с воздушным змеем.
Он долго смотрел на неё.
Затем аккуратно положил обратно.
Иван Матвеевич умер ночью.

Утром Ваня нашёл его на кровати.

На столе лежала записка.

Всего несколько строк.

«Ване.

Если ты читаешь это, значит, я наконец-то отправился отдыхать.

Не вздумай выключать станцию из-за меня.

Работа есть работа.

Помни: хороший оператор не тот, кто умеет нажимать кнопки. Хороший оператор знает, ради кого он это делает.

И ещё.

В верхнем ящике стола лежит фотография моего сына. Если когда-нибудь встретишь человека с таким же лицом, не удивляйся.

Люди иногда возвращаются не тогда, когда их ждёшь.

Твой старый начальник смены.

Иван Матвеевич».

Ваня перечитал записку.

Потом аккуратно сложил её.

Он не выключил станцию.

В семь часов вечера турбина снова заработала.

И ещё через час.

И на следующий день.

Иван Матвеевич больше не сидел возле пульта.

Но его куртка висела на стене.

А на столе стояла фотография.

Однажды, много месяцев спустя, в диспетчерской раздался звонок.

Ваня сидел за пультом и заполнял журнал.

Он поднял трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.